

Народ-победитель

Прокатилась огненная лава первой-второй мировой войны. Для трудящихся всего мира это был свет божий, великая победа над фашизмом и империализмом. В эти знаменательные дни люди во всем мире вспоминали с благодарностью и гордостью тех, кто в течение длительного периода времени...

Второго мая 1945 года войска Советской Армии водрузили красное знамя победы над Берлином — центром немецкого империализма и очагом гитлеровской агрессии. В последующие дни наши войска завершили разгром противника и принудили фашистское командование к полной и безоговорочной капитуляции. 9 мая 1945 года советская страна, все человечество радостно праздновали день великой победы, ставший с тех пор традиционным праздником нашего народа.

Люди, бывшие в те дни в Берлине, никогда не забудут угромоу знания рейхстага, алого знамени, развевающегося над ним, на стенах и колоннах здания — подвиг простого русского солдата, проделавшего путь от Москвы, Сталинграда, Одессы до фашистской столицы. Солдаты Сталинграда пришли в Берлин как носители идеи справедливости, мира, прогресса.

Мы победили потому, что наша война была народной, справедливая, освободительная война, потому, что весь народ поднялся под знаменем партии Ленина — Сталина, что советский строй, социалистическая система дали нам огромные преимущества над врагом.

«Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом... Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами», — говорил товарищ Сталин в своем обращении к народу 9 мая 1945 года.

Разгромив врага, советский народ-братарь всю свою силу обратил на дело мирного строительства. Поднялся из руин Донбасс, был восстановлен Днепрострой, вошли в строй разрушенные фашистами заводы, на неспешных выростах новые села, новые кварталы разрушенных городов. Ни одно государство не могло бы в такие сроки восстановить разрушения жесточайшей войны!

С каждым днем лучше, светлее становится жизнь советских людей. В нашей стране разрешена уже зерновая проблема и так же успешно решается проблема животноводства. В сухих степях, преграждающих дорогу суховею, вырастают массивы леса, меняя облик этих уголков земли. Поднялся корпус новых красивейших заводов. Самые совершенные машины созданы советскими конструкторами, инженерами, рабочими.

С такими же героизмом, преданностью общему делу, инициативой, талантом, с какими воевали советские люди, решают они гигантские задачи созидания. Товарищ Сталин определил задачи советского народа в борьбе за коммунизм на послевоенную пятилетку и на ряд последующих лет, и эта гигантская перспектива вдохновила миллионы на славные патристические дела.

«Скептики» и «пессимисты» из вражеского лагеря пытались лепестать о невыполнимости советских планов. В ноябре 1947 года бывший руководитель русского экономического отдела военного министерства США Раймонд писал, что новая пятилетка русских не может быть выполнена... дальше 1951—1952 года. Начальник русского сектора министерства торговли США Роупс доказывал, что понадобятся многие годы и крупные американские кредиты, чтобы Советский Союз смог восстановить свою экономику до довоенного уровня. Но советский народ не только восстановил хозяйство, разрушенное войной, но и сделал новые гигантские шаги на пути строительства коммунизма. Пятилетний план успешно выполняется. У нас есть...

уже десятки тысяч рабочих, которые работают в счет новых пятилеток, и число их непрерывно растет. Товарищ Сталин еще в годы войны, прогнав взором в будущее, указывал, что наша задача «сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то по крайней мере в течение длительного периода времени».

Новые агрессоры, о преступных планах которых говорил товарищ Сталин, носятся сейчас с безумной идеей разжигания новой войны. Они готовы бросить человечество в огонь новых, тяжелых испытаний. Наша сила, наше хозяйственное и военное могущество противостоят этим попыткам.

Партия Ленина — Сталина в сложнейшей международной обстановке уверенной рукой ведет советский народ к коммунизму, отстаивая дело мира, разоблачая его врагов. В 1920 году товарищ Сталин говорил, что «нам приходится строить под огнем, строить одной рукой, другой рукой защищая тот дом, который он строит». И сейчас, разверстая коммунистическое строительство, советский народ вместе с тем принимает необходимые меры к обеспечению дела мира.

Нашим людям вдохновляют идеи справедливости и счастья человечества. В Берлине возмущается величественный памятник герою Великой Отечественной войны, Советский воин, мечом поразивший злобное чудовище фашистской реакции, держит на руках спасенного им ребенка, доверчиво прижимающегося к нему. Разве этот памятник не является достойным символом нашей великой победы — победы во имя счастливого будущего человечества?

Барбос писал, о социалистической революции, что из самых жестоких ударов ее рождается ласка человечеству. Шыне перед всем миром возникает благородный образ советского человека — достойного представителя своего народа. Целеустремленность, ясность взгляда, бесстрашие и самоотверженность в служении общему делу — вот что составляет величайшую красоту облика советского человека. Где выдала история такую чудесную красоту души, такую чистоту и высоту стремлений?

Наша победа, раскрывая истоки нашей победы, расказывая о величии будущей борьбы за коммунизм, помогает взглянуть в будущее, правильно показывая, что и на полях сражений и в мирном труде советский народ решал единую задачу строительства коммунизма.

Подвидами солдатскими кострами Дорога в коммунизм освещена. Противопоставляя в художественных образах мир социализма миру капиталистического рабства, срывая маски с новых агрессоров, писатели участвуют в исторической борьбе за мир.

За пять послевоенных лет фронт борьбы за мир непрерывно вырос и окреп. После первой мировой войны Ленин писал: «Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локотка. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей».

Наша великая победа в борьбе с фашизмом пробила в исторической деятельности миллионов и миллионов людей в демократической Германии, в свободном Китае, в странах народной демократии. Эта историческая деятельность направлена на строительство социализма. В Советском Союзе трудящиеся этой стран видят образец великого примера для себя.

Советский Союз стоит во главе сил мирового прогресса и цивилизации. И если в годы Великой Отечественной войны наша война с фашизмом сливалась с освободительной борьбой народов зарубежных стран, то и сейчас наша борьба за мир сливается с борьбой всех демократических стран за мир и творческое развитие.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 37 (2628) Суббота, 6 мая 1950 г. Цена 40 коп.

Наирн ЗАРЯН

Письмо товарищу Жанису Зуймачу

«Над землей моей Родины пролетел американский четырехмоторный военный самолет «В-29» («летающая крепость»). Как вы смеете, господа американские империалисты, нарушать границу нашей страны?»

(Из письма рабочего стекольного завода, лауреата Сталинской премии, депутата Верховного Совета Латвийской ССР Жаниса Зуймачу. «Литературная газета» 15 апреля 1950 г.)
Товарищ Жанис Зуймачу, прочитал Я ваши гневные слова в газете, Тот правый гнев, что вам их подсказал И мне сейчас диктует строки эти.

«Как смеют поджигатели войны, — Вы на газетных пишете страничках, — Вторгаться в небо солнечной страны И нарушать советские границы?»
И слово ваше так же метко бьет, Как пулеметом пограничных пули, Которыми мы наглым самолету На запад от границы повернули.

Под синим небом Латвия цветет, Цветет моя Армения на юге: Земля приморья и земля высот Надежные и верные подруги.
Пишоны чужеземные следят По-воровски за нашими краями, Валезают на двуглавый Арапат, Над вашими летают берегами.

Они глядят упорно и давно На наши доли и на наши горы Через свое посольское окно, В бинокль турнста и сквозь щель забора.
Они следят, и страшно бесит их, Что все растет под нашим звездным небом — И стажи домов, и поля новых книг, И горы золотящегося хлеба.

Их бесит, поджигателей войны, Заморских генералов и банкиров, Что люди нашей Родины полны Желаньем мира и стремленьем к миру.
Вы гордо дали отпор врагам, Я вместе с вами отвечаю им стану, И сердцем, сердцем громко вторю вам Из моего родного Еревана.

Ровесник великой победы
РУСТАВИ, Грузинская ССР. (По телеграфу от нам, спец. мор.). На многих грузинских заводах можно увидеть станицы, над которыми развевается флажки с надписью: «Работает для Рустави». Рустави — самый молодой из грузинских городов. Он — ровесник Великой Победы, — возник пять лет назад на берегу Куры, где была выжжена степь за заболоченная поля.

Улица строителей, окаймленная полями, застроена домами из розового полированного туфа. Главный проспект — он еще в лесах — застраивается трехэтажными домами, создаваемыми в грузинском стиле — с балконами и нишами. Некоторые дома поделены по крышам, другие только поднимаются над фундаментами.

Все удобства предусмотрены для жителей нового города: водоснабжение, для которого пришлось отвести в специальном русло непокорную Куру, электричество, газ, холодная и горячая вода в домах, зеленые парки на берегу, на острове, уютные коттеджи — основной жилищный фонд Рустави.

Жму вашу руку, друг мой дорогой, Сердца у нас в одном порыве бьются! Пусть голос ваш и рядом голос мой — Гнев латышей и гнев армян — сольются.

Проклятый стеклышко и пост — Мы честно служим Родине Советов: Несем в стихах и в стеклах чистый свет, Свою Отчизну наполняем светом.
Сейчас у нас в Армении весна, И утренней прозрачною порою Вдвину мне из широкого окна Могучие громады новостроев.

Герой-строитель каменищ Вардан Умелым рабочими руками С любовью строит новый Ереван — Обтекает розоваты камень.
В оконных рамках скоро заблестит Под солнечным прекрасным небосводом Стекло, что в длинных ящиках лежит, — Продукция латвийского завода.

Мы новый мир победно создаем, Мы строим города и счастье строим, Мы радостью строительства живем И жизнь саму зовем советским строем.
Нам нужен мир. Но нам ведем страх: Мы помним, как шагами исполна, Надев шинель, народ наш шел в бою От стен Москвы до площадей Берлина.

Мир — всем народам! Мир — планете всей! Мы охраняем мир народов зорко. Пусть будет легким ясный сон детей Москвы и Праги и Нью-Йорка.
Пусть помнят все, кто хочет воовать, Что с «крепостью летающей» было, — Мы не позволим никому совать В дома чужие атомное рыло!

От синих гор Кавказа до Карпат, От Франции до Нового Китая, Всеобщий мир отважно защищая, Народы мира на посту стоят.
Перевел с армянского Ярослав СМЕЛЯКОВ

СОЛДАТСКАЯ ПЕРЕПИСКА
Неся военную службу в Прибалтике, гвардейцы живут всей многообразной жизнью своей страны. Они хотят знать, какие высотные здания строятся в Москве, какие новые книги пишут писатели, какие новые песни создают композиторы, какие технические усовершенствования достигнуты в нашей промышленности за годы послевоенной сталинской пятилетки.

В адрес полевой почты приходит письма из разных концов страны, от людей самых различных профессий. Вот на одном из конвертов штамп: «Белополье». Это ответ на письмо гвардейцев депутата Верховного Совета Украинской ССР, Героя Социалистического Труда Агриппины Антоновны Пармузиной. Она пишет о том, как добился высоких урожаев в колхозе «Большевик». Сумской области, и задает письмо словами:

«Будьте же, дорогие войны, зоркими стражами своей Родины. Храните в сердцах своих боевые традиции Советских Вооруженных Сил, неустанно совершенствуйте свои знания».
П. ШЕБУНИН

Мир — земле, свободу — людям!

Стихи поэтов Германской демократической республики
8 мая 1950 года в Германской демократической республике впервые будет праздноваться День освобождения — пятая годовщина разгрома гитлеровской Германии Советской Армией. Все шире развертывается в Германии всенародная борьба за мир и единство, за дружбу с Советским Союзом. В этой борьбе активнейшее участие принимают прогрессивные немецкие писатели-антифашисты.

Известный поэт, президент «Культурбунда», Иоганнес Р. Бехер закончил недавно в сотрудничестве с композитором Гансом Эбергером сборник «Песни о мире». Лауреат национальной премии Куба написал большой цикл стихотворений, посвященных борьбе за мир. Сатирические сборники Хорста Ломмера разоблачают англо-американских поджигателей войны и их немецких прислужников. Мы приводим несколько новых стихотворений поэтов Германской демократической республики.
Иоганнес Р. БЕХЕР

Весенняя песня
Лишь весна из-за лесов На долины глянет, Хор могучих голосов Над землею грянет:

— Братя, сестры! Мы добудем Мир — земле, свободу — людям!
О, прекрасная пора! Стужа расколосилась. Кто молчал еще вчера, Ничто поднял голос:

— Поджигатели осудим! Мир — земле, свободу — людям!
Знаю: песнь твою, народ, Свезим ветром хлынет, Океаны всколыхнет, Горы отодвинет.

Если мы сильны не будем, — М миру — гибель, рабство — людям.
Вы, познавшие войну, Вы, кто войн не знали, Не позволяйте, чтоб весну Бомбы растерзали!

Всех подымаем, всех разбудим! Мир — земле, свободу — людям!
Хорст ЛОММЕР

Чего вы хотите?
Чего вы хотите?.. Липнуть мой народ для начала земли и свободы и чтобы Германия вашей колонией стала

на долгие годы. Велик, Уолл-стрит, у тебя аппетит. Концернам не свойственным советь и стид.

Известно давно: воовать решено! Об этом газете вопит и кино, но — пока на земле существует народ, я думаю: так не пойдет!

Чего вы хотите?.. Рокфеллеру кмй Моргану отдать наши недра. За это вы с нами тупонок, по вашему плану,

расплитесь щедро. Велик, Уолл-стрит, у тебя аппетит. Ты Рур забрабастал, ты жером валют.

«Стесяться смешно! Понято одно: хеатй поскорее руду и зерно!» Но — пока на земле существует народ, я думаю: ТАК НЕ ПОЙДЕТ!

Чего вы хотите?.. Чтоб вновь за неправо дело сражались баварцы, чтоб снова Тюрингия наша горела, чтоб пламя — на Гарце. Велик, Уолл-стрит, у тебя аппетит. Твой замысел подлый сегодня раскрыт:

«Россия — на дно! И всек — заодно! Был Гитлер, стал Трумэн. Не все ли равно?» Но — пока на земле существует народ, я думаю: ТАК НЕ ПОЙДЕТ!

КУБА
Будут говорить про наши дни ПОТОМКИ...
Будут говорить про наши дни ПОТОМКИ:
— Нелегко далось им все отстроить вновь. От былого им досталось лишь обломки, щебенка городов да черствый хлеб в котомке. Горечью была отравлена их кровь.

Яков ХЕЛЕМСКИЙ МАЙ. 1950

Леса в зеленом дымчатом убранстве. Под востками — шустрые ручьи. Гремят по большаку районный транспорт — Поездки, мотоциклы, трагачи. Трекующие трехтонки обгоняя, На легковушке маленькой пыла, Товарищ Павлов едет из Валдаля Осматривать весенние поля. Работнику валдайского района Отродно видеть озими ковы.

...А в Сталинграде к павловскому дому Торопятся на зорьке маляры. Здесь воевал в шинели опаленной Гвардеец Павлов, свой рубеж держа — Четыре неприступных бастиона, Четыре непоколебимых этакта. Отстроен дом. Ему стоять столетья. Резвятся дети, радуясь весне. Но надписи меж оконных отмычек Горят на восстановленной стене.

Многословенно сложено о партизанском соединении, которым командовал дядюшка Герой Советского Союза, ныне заместитель председателя Президиума Верховного Совета УССР Сидор Артемьевич Ковалев. Каждую весну и лето по местам боев, по пути следов ковалевского соединения идут многочисленные экскурсии школьников и молодежи. Руководителями и проводниками являются бывшие партизаны,

но пусть припомнят недруги в Нью-Йорке Тот день, когда в пылу и дымящей мгле По лестницам крутым, по вражьи трупам, Гранатами прокладывая путь, Он поднимался на берлинский купол, Чтоб стяг победы высоко взметнуть.
Пусть вспомнят палачу у циклотронов, Убийцы над пробирками с чужой Всех, отблеском победы озаренных, Для творчества вернувшихся домой: Героя переверн, что в эту пору, Скрепяи плоты, по Каме горит лес, Сапера, с места сдвинувшего гору, Связиста — в зале межколхозной ГЭС. Разведчика — над горною речушкой В геологоразведке, с молотком, Артиллериста — у электротрунши, Близ жаркой домны, в громе заводском.
Пусть вспомнят всех, кто делу мира Предан, Испытан боем, окрылен трудом.
Май зеленеет, знаменем победы Надежно заслоненный, как щитом.

ные работающие в Путивле и Глухове. Но экскурсий стало так много, что партизаны уже не в состоянии обслужить их. Бывший начальник штаба ковалевского партизанского соединения Григорий Яковлевич Вагина написал путеводитель для экскурсий. В путеводителе более ста страниц текста. Описаны, между прочим, даже деревни, жители которых особенно широко помогали партизанам. К книге приложены карты и схемы боев.

Новый детский журнал

КИЕВ. (Наш корр.). Замечательный подарок получили украинские пионеры и школьники ко Дню большевистской печати. В этот день вышел в свет первый номер нового детского журнала «Пионерия», издаваемого на русском и украинском языках. Журнал открывает портрет любимого вождя и учителя, лучшего друга советских детей — товарища Сталина. В создании журнала приняло участие украинские писатели и художники. В первом номере помещены стихи М. Рыльского, А. Малышко, Л. Дмитренко, юмористический рассказ О. Вишни, очерк В. Владко. С интересом прочтут ребята главы из новой повести И. Василенко «Путешествие», которая будет печататься в нескольких номерах. В журнале имеются постоянные разделы: «Широка страна моя родная», «Юные преобразователи природы», «Двенадцать месяцев», «Клуб юных шахматистов», «Сбор отрывков». Помещены советы мастеров спорта юным физкультурникам, обзор вышедших книг для детей, страница «Игроточка смысленных» и уголок юмора «Игроточка».

Созидатели

Каменщик стоит в лесах. Засученные рукава обнажили крепкие руки, сжимающие мастерок. — Вот моя биография! — Он широко жестом указывает на город, расстилающийся внизу. — Еще не кончилась война, когда наша бригада начала восстанавливать разрушенные здания. Перво-наперво — заводские цехи. Вон они высветились! Потом на Беловском поле, где окопы еще не заросли травой, построили 19 жилых домов. Потом на Шемилевке — шеститажный корпус. Вот он красавец — пятиэтажный корпус. Потом на улице Пестеля, на улице Гусева, на Охте, опять на Шемилевке... Александр Парфенов, известный в Ленинграде каменищ, указывает рукой то направо, то налево, то прямо, его горделивый жест как бы ведет меня по рождивому городу, и я всюду вижу новые прекрасные здания — жилые дома, школы, клубы, построенные после войны на месте разрушений. — Дом не на то ставится, — на отслужил лет. Будут в нем жить наши дети и внуки, люди коммунистического общества. По дому они станут судить о нас с вами, какие мы были строители. Ну и хочется так строить, чтобы они в две тысячи ка-

АУДРИНИ ЖИВЕТ!

На карту Латвийской ССР вновь нанесена деревня Аудрини! Трагическая судьба этой деревни известна всему латышскому народу. В январе 1942 года гитлеровские оккупанты сожгли деревню Аудрини и расстреляли 243 ее жителей — стариков, женщин, детей. Название деревни было стерто с карты Латвии. Фашисты решили уничтожить не только деревню и ее непокорных жителей, но и память о них; уничтожить за то, что крестьяне прятали раненых советских бойцов, помогали партизанам. От цветущей деревни осталось одно серое пепелище. Уничтожено лишь несколько жителей, случайно отлучившихся в этот день из Аудрини. И вот в 1950 г. на карте вновь появилась кружок с надписью: «Аудрини!» По воле Аудрини не будет уже похоже на прежде. Это — благоустроенный колхозный поселок городского типа. Проект нового Аудрини, составленный архитектором Тамарой Францман, предусматривает строительство около ста колхозных жилых домов со всеми удобствами (водопровод, электричество, радио), здания управления колхоза, дома культуры, школы, почты, районной телефонной станции, универмага, медицинского пункта, хлебопекарни, бани, прачечной и т. д. На центральной площади имени Сталина будет воздвигнут памятник погибшим героям, жертвам гитлеровского террора. Намечено построить стадион, разбить парк культуры и отдыха, фруктовый сад. Проект уже осуществляется! Полным ходом идет строительство Аудрини. Среди строителей много бывших партизан, а также группа жителей старого Аудрини. Колхозникам помогают все население Рижского района. Первая очередь нового колхозного Аудрини — на нее ассигновано два миллиона рублей — будет закончена в этом году к десятилетию Советской Латвии. М. ЗОРИН

Будут говорить про наши дни ПОТОМКИ...

— Нелегко далось им все отстроить вновь. От былого им досталось лишь обломки, щебенка городов да черствый хлеб в котомке. Горечью была отравлена их кровь. — Но дорога перед ними верная лежала, — скажут внуки, слушая весенний плеск воды, глядя на заводы, на просторные кварталы, на дворцы и школы. На фонтаны и сады. И промолвят: — Тем, кто заложил основы, было тяжело в тот трудный век, но все же строили они и верили, и снова города росли, и золотились в поле ромы. Был войной у многих разум затуманен. Но рабочий класс сказал Германии: «Держись!» И тогда пришла Эпоха Трудовых Соревнований, и Эпоха Трудовых Соревнований означала — Жизнь! Перевел с немецкого Лев ГИЗБУРГ

1. Машина идет Сальской степью.

Черный, чуть выпуклый посредине, укатанный до блеска грейдер делит надвое неоглядное зеленое пространство, над которым высоко стоит голубое небо, светящееся от изобилия солнца. Земля и небо — огромны. На первый взгляд, земля и небо они и существуют здесь да еще тугий, до осязаемости плотный восток.

Валом валит он откуда-то из-за красных песков, и нет более страшной силы для человека в степи, чем этот пронзительный ветер, в вышнюю весну, по счастью, холодный, а вообще — сухой, горячий, вырывающий влагу из почвы и сжигающий растения, как это было в ту далекую, кажется, пятнадцатилетнюю давность весну, когда я впервые попал в Сальскую степь.

Ничто не могло его остановить на огромной плоской равнине, где единственными представителями древесного мира были дикий миндаль, — тонкие и цепкие, бурля и железные, сантиметром на сорок бултых, упавшие кривоногими калыпами нехлеставшим ветром цветочков. Ветер как бы срывая живую зелень начавших кустились озимых, оставляя после себя бурое увядшее поле. Вместе с семенами уносил он почву с яровых посевов. Его жаркое дыхание обращало в жаркочиву, в легко рассыпавшийся прах молодые травы, так и не дожидавшиеся веселой поры цветения.

После дня, проведенного в степи, прекратилась и ервоточивая глупость, персыкаяса гортань, и все существо человеческое, как и черствая, опаленная зноем земля, как и бесцельное, пыльное небо, моллоло о воде. Вода была в глубоких колодцах — тяжелой и теплой, до горечи соленая, не утолявшая жажду. Вода была в почти пересохших оврагах Маньча — оловянный густой раскол, после которого жгло и садилось кожу. И еще возникали миражи — голубые, широко разлившиеся реки, с опрокинутыми в них лесами. Мучительно хотелось верить в реальность этой прохладной пресной воды и этого тинистого леса, откуда, казалось, тянет сырой землей и прелым листво.

В ту пору, пусть исползов, не бросаюсь в глаза, еще не видно за суховеями и черными бурями, сначала больше в проектах и планах, начиналось великое преобразование степи.

На дикое эти земли пришел трактор, и уже стали привычными запахи железа и сгоревшего бензина, всего лишь пять лет до этого впервые смешавшиеся с запахами лесного разнотравья. Лязгая железными своими суставами, ползая вдоль Маньча экскаваторы, черпая кочвицами соленую грязь.

А однажды, в Доме колхозника станицы Буденновской, я встретил районного работника удивительной для степи специальности — лесовода. Брезентовый его портфель был набит схемами лесных массивов и полезностями лесных пород. Эти деревья, жившие пока что на бумаге в портфеле, показались бы мне столь же нереальными, как и лес степного миража, если бы в кармане лесовода не лежал партийный билет.

2. Они трепещут сейчас на ветру, едва-едва образующие листовую лесной полосы, запроектованной, возможно, том самым лесоводом пятнадцать лет назад. Чуть ли не до самых ветвей, точно субтропика, завалена полоса выходящими шариками перекачки-пола. Времени от времени, откуда-то справа, из-за горизонта, возникает стремительный, подпрыгивающий комок сухого бурьяна, мчится по зеленой траве, расщепленной голубыми и алыми дужками ирисов и тюльпанов. В два прыжка он перескачет грейдер, сражухаю влетает в сквозную, дрожжающую сточку перекачки-пола у лесополосы и прижимается мелко, мелко дрожат. Кажется, что это материализовавшийся ветер бьетса о стволы деревьев, за которыми, залучая теплый зеленый свет, густо укрыты земля озимые хлеба. Ослабевшие ветром, воздушные струи уже на излете лениво скользят над озимью.

Сплошной ковер озимых сменяется яровыми входами, свозь строчки которых еще чернеет земля. А дальше, черной рекой в черное море, выливается грейдер в разлив только что поднятых паров. И так же как в море пресная вода река доlegt до смешивается с соленой морской, отделена от нее, так и здесь — сирессованная, тускло поблескивающая степь грейдера отчетливо видна среди рыхлая, отлаивающей коритвином машины. На ее рубящее, вот-вот готовые растерять свои рублие и нежные, не по русту большие листья, торчат глибокие прутья лесной полосы, посаженной прошлой осенью.

Как бы ни хороша была степь весной, когда не только буйное пламя тюльпанов, но даже скромная и бедная трава-тонконог радует сильным, чистым своим цветом, свежими, чуть влажным запахом, — все же не цветы и не травы бросаются прежде всего в глаза, как только привникаешь к зеленым пространствам, а деревья.

Косые лучи солнца, пролив набезавалине облака, резко высветили каждую трещину на грубой и темной коре белой акации, каждый сучок на голых ее ветвях. Шелковистые стволы кленов, уже одетых весной мохнатой листвоой, освещаются лугуно.

Да степь ли это! Сколько мы ни едем, сворачиваем с грейдера на грейдер, всюду за нами следуют старые, хорошо прижипавшиеся клены в светлосаженном своем уборе, глянцевые, белые акации, абрикосы и ясени, кроны которых, пока еще лишенные листьев, как бы окутаны коричневой дымкой. Такое впечатление, будто мы никак не выберемся из длинной-длинной аллеи.

По обеим сторонам этой аллеи, плоские, как стод, лежат зеленые и черные поля, огороженные лесополосами. Встречаются старые полосы, давно сомушавшиеся кривоми, где земля укрита сопревшей листвоой. Много молодых полос, представляющих собой шоренги отдельно стоящих,

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

тонких и гибких деревьев, пока еще не оставших лесом. Но больше всего совсем еще юных насаждений, лругими торчали из рыхлая прополотой земли, заложенных по ведомому сталинскому плану. А есть и такие — их великое множество, — что скрыты еще в черной земле, где влажный жлоудь, возникший в прутт свой некий росток, собираются с силами, чтобы выбросить наружу большие, как темячии уши, листья.

Всю историю советского степного лесоразведения можно наблюдать здесь, в Целинском районе, по которому мы колемся вот уже сколько часов. Это история великого устройства, молчаливого, — изо дня в день, из года в год — труда, пока к человеку не пришла на помощь советская наука, открывшая гледзювий метод посева леса.

Машина входит в село. За стволами деревьев и кустарником, что растут вдоль улиц и на усадьбах колхозников, не видно хлца. На повороте мелькают белая вывеска аптеки, а чуть подальше — красная с черным, такая же, как в Москве, вывеска: «Книжки».

Мы пригнааем с собой лесовода Василия Ивановича Гончарова, лесничего-ополного старика, и отправляемся осматривать лесной массив колхоза имени Буденного.

Мелькают виноградники, плантации тутовника, фруктовые сады, лесополосы разных возрастов.

Василий Иванович неторопливо рассказывает о том, что лес дает колхозу до двадцати тысяч дохода в год только от продажи древесины на сторону; что пропильной зимой, после расклевки лишь половины маслава, собрано было такое количество сучьев, что ими задержали снег на десятках гектарах земли. При этом он считает нужным добавить, что расклевка леса ничего не стоит — трудоемко нащиплялись за синезадержанием.

Машина входит в лес, и мы высказываем из нее и остаивающиеся посреди поляны. Вокруг, куда ни глянешь, деревья, деревья...

Смеркается. Среди тонких и тонких стволов, колоннами всташих из кустарника, накаливается сумрак, а в верхних как бы клубится зеленоватый, сливающийся с вечерним небом туман. Кричат перед спом гачи, суматошно кружат над лесом, то пронадаы, то вновь пятная над стремительными черными тенями. Пахнет сухими сучьями, прелой листвоой и камышом то не по-степному сырими травами.

3. Ито поверит, что еще в 1935 году на этом самом месте, где сейчас на шестидесяти гектарах шумит живой лес, была полясая, горячая, целинная степь! Лесовод перечисляет породы деревьев: ясень, белая акация, клен, береклет...

4. На другой день — снова разнотравье целины, по которому, чуть колыхаясь, течет овечья отара. Овцы затопили грейдер, вышудив шопера пригрозити машину. В шепи от приисующихся стволы зривается тяжелей, душный запах топч. Никакая сила не заставит сейчас овец уступит нам дорогу. Они упрямо бегут через грейдер, темясь друг к другу и мелко подрагивая. Чабаны смеются, предлагают нам «загорать», и мы решаем ехать в отбезд, целиной, тем более, что мы не связаны определенным маршрутом.

Нас обступают запахи свежей и сочной, еще не успевшей подсохнуть травы. Низко у земли пластаются серобристый пыльник. Возвышаются стройные и третельные, пронизанные солнечными лучами бычки тонконога. Рыжко коровы, из-за выданными застывшие над полейниками,azole которых сидят на скамеечках доярки, лениво поворачивают в сторону лашей машины свои увенчанные полукруглыми рогами головы. А дояркам не до нас, — идет полуденная дыйка, и руки их — сверху, вниз, сверху, вниз, — так и ходит у вымени. Только пастух, приспособившийся с книжкой в тени уставленной бидонами полугоры, провожает нас взглядом.

Машина сходь влетает на курган, резко поворачивает, и сразу же открывается огромное свинцово-серое водное пространство, дашнее холодом. Там, где оно соединяется с небом, возникают белые гривки пены. Они движутся к берегу, лодчатые волны, обривающиеся в траву, уступая место следующему. Водная пыль бьет в лицо. Длинные рыльце чайки кружат над водой. Стоит от этой колышущейся массы воды.

Море! Море в степи. Созданное человеческими руками море!

Сперва вдоль его берега — брызги достигают правого борта машины, тогда как на левый садится стеленная пыль; затем снова бескрайняя степь — не мираж ли это был? — мы едем в колхоз «Красный Октябрь», Веселовского района.

Председателя колхоза Сергея БФимовича Захарова мы находим на берегу залива. Море, поразившее нас час назад, виднеется узкой, подернутой маревом полоской. Оно отделено от нас землями колхоза, в которые и включилась обширный — взглядом до берега не достать — залив. И оттого, что его почти не видно, а залива, куда ни глянешь, светит глаза сверкающей на солнце гальюю, море кажется еще промалнее. В этой силой дымке поображение углубляет чуть ли не бесконечность океана, за которым лежат заморские земли.

Волны мягко падают в траву, с тихим шуршанием достигают обратно. Мельчайшие капли достигают лица, садятся на губы, и я чувствую, что вода — пресная. Она пришла в этот степной колхоз издалека, с Кубани. Только здесь, в «Красном Октябре», тремя заливами и двумя ответвлениями от них она омывает две тысячи гектаров прежде почти не используемой земли.

Захарову, должно быть, за сорок лет. Колхоз, где он председателем, крепкое,

слаженное хозяйство, со своими сложившимися особенностями и традициями.

На виду моря, которое куда моложе виднеющегося залива, хотя и он еще не вступил в пору плодотворения, Захаров рассказывает о том, как изменится производственный профиль колхоза в связи с приходом воды. Речь идет об овощах — из-за отсутствия влаги они не росли здесь, — о хлопке, о рисе, о водоплавающей птице. И от того нового, что мы услышали, а потом и увидели в колхозе, остро чувствуешь, что на земле — весна, пора молодости, пора творчества и созидания.

В камennom амбаре, где пахнет пылью и хлебом, нам показывали семена хлопка, одетые белым пухом. Впервые лягут они в здешнюю землю нынешней весной.

Здесь же, в темном углу, лежат горстка жлоудей, должно быть, не всхожих, оставшихся после посева леса. Точно так же из века в век лежали об эту пору в амбаре крестьянина обсевок пшеницы, люцерны... Но попробуйте представить себе первый на земле посев пшеницы!

Как же тут не подумать, что когда вырастет вот тот мальчик, который из всех сил старается оттащить от дверей амбара прожорливого гусака, привлеченного запахом зерна, то он по праву сможет сказать, что присутствовал при сотворении мира, — море, лес, новые сельскохозяйственные культуры.

Не легко дается это — сажать леса, создавать моря, возделывать новые растения, когда столько вокруг врагов: суховей, безделье, дикое травье... Много понадобится знания, силы, природы воды и злаков, чтобы сотворить достойный наших дней мир.

Этот мир сотворил советский человек, вооруженный мотучей и умной техникой.

4. Из дверей амбара нам видно серое от выгоревшей степии, косматое, пыльное море. Исполненный гусеничий трактор, выходя пауги, оставляет за собой широку черную полосу пахоты, над которой, пронизывая струюми влаги, дрожжит и мерцает воздух. Трактор поворачивает, и солнечный луч, преломившись в зеркальном темлеке, зайчиком, вернее, зайчицей, прыгает в амбар, на мгновение ослепляя. Вот уже слыше двадцать лет надоблаем мы эту картину. С того времени разительно изменился трактор, — сравнительно с тогдашним колхозный «Интэр» со «Сталинцем-80». Улучшилось качество обработки земли и резко сократились сроки полевых работ, — в нынешнюю весну первые колхозы севали колосовые три-пять дней. Но самое удивительное, что пришло с собой советский трактор в деревню, — это тот индустриальный дух, тот, отличный от прежнего, новый, хочется сказать, заводской ритм, стиль жизни, какие уже стали типичными для колхозного села.

В этом же амбаре стоит обыкновенная, выданная вилы велака. Хотя эти и машина, но нет труднее работы, чем вернуть ручку вельяки — до лопаты в опилце, до того, что руки вот-вот оторвутся. Хорошо еще, если сортируется зерно весной, в амбаре, а что, если на току, в знойную пору жаты, когда и без того рубаха липнет к телу.

Колхозники «Южного Октября», привыкли к тому, что механизмы с каждым годом берут на себя все большую и большую долю тяжелого мышечного труда, стали думать о том, что неплохо бы механизировать сортировку семян. Особенно упрямались они в этом своем желании, когда была построена электропередача и в колхоз пришло электричество.

Уже в самом этом факте видно, как изменилась наша деревня, как выросли ее запросы. Если еще лет пятнадцать назад здесь, по преимуществу, жаловались на нехватку так называемого «крестьянского товара»: хомутов, сбури, колесной мази, — разумеется, эти вещи и сейчас нужны, — то сегодня речь идет о другом «крестьянском товаре» — о моторах, нефтяных двигателях, о разного рода механизмах.

Но самое замечательное не столько в этом, сколько в том, что колхозники «Южного Октября» не стали дожидаться, пока промышленность начнет выпускать механизированные вельяки. В колхозе слыне двадцати работников индустриальных, что ли, специалистов, и вот здешние механизаторы, которыми руководит заводский мастерскими Иван Михайлович Ломачки, взялись перевести велаку с ручной тяги на электрическую: разработали чертежи, изменили ход рещет, сконструировали передачу. С виду — это все такая же, с выцветшим розовым корпусом, приуменьшая в мире капитализма сельскохозяйственная «машина», в некотором роде сестра той самоуборочной «машины», что послала у нас выразительное прозвище: «лоботрейка». Сколько лота пролето было возле нее, и насколько она облегчит сейчас, сделав более производительным труд человека!

Часов пять спустя, в мастерских Всесоюзного научно-исследовательского института механизации и электрификации совхозов, расположенного в степном городке Зерновом, нам показывают точно такую же клеитоновскую велаку, над реконструкцией которой работают научные сотрудники Абрам Веняминович Барялд и Александр Федорович Панни.

Велака эта, разумеется, будет совершеннее. Она не только приводится в движение электричеством, но и погрузка и выгрузка зерна будут механизированы.

Может быть, этот последний факт, когда одну и ту же проблему решают одновременно колхозники и ученые, вдохновленные великими идеями коммунизма, и есть самое замечательное из того, что можно видеть сегодня в Сальской степи.

ЦЕЛИНА, хутор ВЕСЕЛЫЙ, Мечетинская.

«Трасса канала. Работают гигантские экскаваторы. Одним ковшом их механические руки-ковши захватывают по тридцать три кубометра земли. Двадцать рабочих, имея полтора десятка таких экскаваторов и два или три десятка обычных бульдозеров, могли бы за год прорыть канал, равный каналу имени Москвы.

Техническая мечта? Нет, вы! На одном из заводов тяжелого машиностроения создан новый тип шгагающего экскаватора — «ЭШ 10/75», который захватывает по шестнадцати кубометров земли, но может работать и с ковшем емкостью в тридцать пять кубометров!

Множество машин выпускается нашей промышленностью в помощь людям, работающим на строительстве дорог и каналов, в шахтах и рудниках, на заводах, плантациях, железнодорожных станциях. Созданное после войны специальное управление механизации трудоемких и тяжелых работ направляет деятельность большого числа инженеров, технологов и ученых, занятых совершенствованием старых и созданием новых образцов таких машин.

Если съехать на одной выставочной площадке образцы всех созданных ими после войны машин, мы увидели бы изумительное зрелище.

Электрическая землеройная машина заменяет больше тысячи землекопов. Кран одним махом переносит груз целого вагона. Тракторная лопата загружает вагон свежлой рывою в три минуты. Машина укладывает со скоростью пяти километров в час Комбайны — зерновые, горные, для уборки льна, свеклы, хлопка, картофеля. Комбайны для сборки вытеснили для резания камия. Механизмы, вытеснившие ручной труд на валке леса.

Загляните в шахты: на некоторых почти всю добычу угля — от первого удара по пласту до погрузки угля в вагоны — производят машины. Больше того: десяток частей подземных конвейеров включается уже автоматически. Моторист нажимает кнопку, и в двухэтах метрах от него приходит в движение линия механизмов. Есть шахты, где на такое дистанционное управление переводятся комбайны и врубовые машины, где всем подземным электрическим транспортом управляет оператор, где и насосы для откачки воды включаются автоматически.

От создания отдельных машин, облегчающих человеческий труд, мы переходим к комплексной механизации всех процессов производства. Такая механизация, как социалистическая механизация, — «Литературной газете» началник Управления механизации трудоемких и тяжелых работ тов. И. Курков, была осуществлена в прошлом году на нескольких лесозаготовительных предприятиях, железнодорожных станциях, шибенных карьерах.

В текущем году полностью механизирована труд на нескольких десятках угольных шахт и рудников, на лесозаготовительных предприятиях, на группе литейных цехов машиностроительной промышленности, на сотнях железнодорожных погрузочных пунктов, на причалах морских и речных портов, на строительстве ряда промышленных объектов и жилых поселков.

Народное хозяйство получает все больше и больше машин, облегчающих и механизированных труд.

Найдены ранние стихи Якуба Коласа

МИНСК. (Наш корр.). Незавно в рукописном отделе библиотеки Академии наук Литовской ССР обнаружены две тетради с рукописями 37 ранних стихотворений Якуба Коласа.

Эти стихотворения написаны на русском языке. Первое из них — «Осеня» — датировано 1898 годом, остальные — 1902—1905 гг. Между тем начальным годом литературной деятельности поэта считается 1906 год.

Найдены также рукописи хрестоматии «Второе чтение для детей белоруссов», составленной Якубом Коласом в 1907 году. Она была издана на белорусском языке в Петербурге в 1909 году товариществом «Заглянет солнце и в наше окошко».

Найдены ранние стихи будут включены в первый том подготавливаемого Академией наук БССР полного собрания сочинений Якуба Коласа.

«...Окружающие предметы внезапно исчезли из глаз его, и воздух наполнился зелеными струящими кругами, которые отделились друг от друга, то снова сливаясь. За ними, словно сквозь дымку, выдвинулась черная пропасть, из которой пролился губерское лачальство».

И все это случилось с Федором Ильичем, с одним из героев произведения Салтыкова-Щедрина «Сатиры в прозе». Случилось после того, как он прочитал в приписной стращином газете небольшую статью о своей персоне. Заметка была не сильная, а так себе, середка на половину. В слегка язвительном тоне рассказывалось о том, что когда в доме мещанин Залунаевой горели холостые пристройки, последними на пожар явились пожарные, а градоначальник Федор Ильич в это время где-то забавлялся пузком.

Уничтоженный и оплемянный, стоял Федор Ильич, вышустив газету из рук... — Да-с, пощелкают-таки нашего брата! — ладучиво заметил стряпчий. — Эта гласность, долую вам, словно тля: раз заведется, — так и съест подом человека дотла...

— Жив не хочу быть, коли не взуродую! — вопил градоначальник неестественно громким голосом.

Плакали от страха дети, кипела от негодования сущуха. И лишь стряпчий тылся оладить разгневанного градоначальника балагурным советом:

— А я бы на вашем месте презред-с! — оставил Федора Ильича с его окружением в покое, мы попытались познакомиться наших читателей с председателем исполкома Калининского городского совета тов. Грачевым.

Мы уверены: на вопрос о роли печати тов. Грачев даст теоретически вполне правильный ответ. Он обязательно упомянет о печати, как о большой силе, без которой трудно было бы доводить до сведения населения обязательные постановления. Иногда возможно, что вчера, 5 мая, тов. Грачев присутствовал в президиуме собрания, посвященного Дню печати. Возможно, наконец, что тов. Грачев даже выступил с приветственной речью и отметил некоторые достоинства печатного слова.

Но я и ч не тов. Грачев в своем отношении к печати следует совету шедриного стряпчего.

25 января в областной газете «Пролетарская правда» появилась заметка «Бездушное отношение к учительнице». Сорок лет своей жизни тов. А. К. Кольк отдала педагогической деятельности — из них двадцать воспитанию глухонемых детей. Стотн глухонемых с помощью тов. Кольк стали полноценными, грамотными людьми, активными участниками жизни.

Заслуги тов. Кольк высоко оценены правительством — она награждена орденом Трудового Красного Знамени. И выше всех наград — любовь сограждан, среди которых немало ее бывших учеников.

Не уважают заслуженного педагога только в исполкоме Пролетарского райсовета. По вине работников райсовета тов. Кольк очутилась в сырой, холодной квартире, явно непригодной для жилья.

«Пролетарская правда» напечатала об этом письме двух читателей — тт. Вершинской и Иванова.

Мы надеемся, что председатель исполкома городского совета тов. Грачев по собственной инициативе обратит внимание на заметку, редакция послала ему вырезку.

Неизвестно, по чьей инициативе — по своей собственной или по совету своих стряпчих, но тов. Грачев не обратился на это никакому вниманию — презред!

Из редакции позвонили по телефону. Тов. Грачев презред. Еще раз позвонили. Тов. Грачев еще раз презред.

В октябре прошлого года в той же «Пролетарской правде» была напечатана заметка «Дело о валяках» — о покровительстве работников шибетского торгашувафельцкому. На первый взгляд, как будто — подумаете ли персона — вафельщик

из них одна семилетка и одна одиннадцатилетка. А теперь в соседнем колхозе Наталье для колхозников района открывается дело филиала зоочного отделения Института субтропических культур.

Хорошо рассказано в романе о нерушимой дружбе между советскими народами. В Самхто призывает чужаков колхозники. Из его гостей и для хозяев этот приезд — памятные дни дружеского глубоководного общения.

Начало событий романа происходит в деревне Самхто, а конец их — в селеении Шрома, что по-грузински значит: труд. Так переименовали колхозники свое село, или труд у них, как верно сказал Сене, в самом богатом почете. Надо упомянуть, что этот факт не выдуман. И хорошо помню тот день, когда наше селение Габриэль было переименовано в Шрома.

Из героев книги мне больше всего по душе молодого стахановца Кишварди. Он очень жизненно описан у А. Чейшвили. На первых страницах романа Кишварди — просто хороший работник, много чего как раздается действие, растет и этот герой. Он становится инициатором внедрения агро-техники в колхозное производство, активный борю за высочай урожай. В этой героичекой борьбе закаляется его ум, воля, характер.

В книге А. Чейшвили много достоинств. Они были бы еще значительнее, если бы писатель не только изучал факты, но и глубоко продумал их. Там, где он не делает это, он достигает успеха, там он новатор в своем писательском деле. А где взгляд его скользит по поверхности и не успевае проникнуть в самую суть вещей, там роман не волнует читателей.

Так, мне кажется, автор слишком увлекся внешней, покаянной социалистического соревнования, борьбой за темпы, за отдельные рекорды. В романе А. Чейшвили даже победа в соревновании между двумя колхозами определяется количеством собранных за день флешей. Но в действительности показатель работы колхозников является не односторонний рекорд на уборке, а урожай, который они вырастили в течение года.

«индивидуалист». По, оказывается, друзья работников госторговли с этой незаметной базарной фигурой обогнали государству в 200 тысяч рублей. Не падает, что прокурор проинит бдительность при чтении областной газеты, из редакции на всякий случай ему послали вырезку. Сколько надо времени, чтобы ответить редакции? Дель? Два? Неделью? Месяц? Квартал? Полгода? Ответа нет до сих пор. И прокурор — презред!

Погодолователи стряпчего — это не исключительно местное, калининское явление. Водятся они и в Рязанской области.

Десятого февраля областная газета «Сталинское знамя» выступила с резкой критикой сконических районных органов, долгое время не обращающих внимания на грубые нарушения Устава сельскохозяйственной артели в колхозе «Путь Ленина».

Легко сказать: «нарушение Устава сельскохозяйственной артели». По какому бою колхозникам наблюдать, как вороватый председатель Анашкин вкупе с пьяницами и мошенниками разваливает родной колхоз. На отчетно-выборном собрании вскрылись преступления Анашкина, и колхозники прогнали вороватого председателя.

Появилась заметка в газете. Ожили честные люди в колхозе.

Ну, теперь Анашкину крышка. — Казалось — чего проще: районным работникам надо было поехать в колхоз, разбираться, виновных назвать. А в редакции сообщить о результатах, чтоб другим не повадно было.

Но странное дело — в исполкоме райсовета молчат и в районной прокуратуре молчат. Видно, и здесь временно поселились потопки стряпчего. Презред!

Появляется иной раз тип администратора-молчаливца. Протчет такой молчаливец в газете что-нибудь неоправданное в верном ему учреждении — и молчит. Получит жалобу трудящегося из редакции — молчит. Получит наложение — молчит. Прав — молчит и неправ — молчит. Из состояния покоя такого администратора может вывести только требование вышестоящего начальства.

Пятнадцатого марта в нашей газете опубликована заметка «О старых приказах и новом урожае» — о неадекватном порядке премирования руководящих работников МТС, установленном Министерством сельского хозяйства СССР.

Статья возмущала работников сельского хозяйства. В письме в редакцию агронома Аксайского района Ростовской области тт. Миронков и Сапрыкин пишут: «Считаем, что вопрос понят правильно и своевременно. Статья заслуживает широкого обсуждения, и мы надеемся, что министерство пересмотрит порядок премирования».

Редакция, печатая статью, тоже надеялась, что работники Министерства сельского хозяйства скажут по этому поводу свое авторитетное слово. Но оказывается, редакция надеялась напрасно. Поступили еще отклики из районов, областей. Хранят молчание лишь в Министерстве сельского хозяйства СССР.

Яростные градоправители, хитрые стряпчие, — как далеки все они от нашего времени. И все-таки приходится, к сожалению, вспомнить и о них и о молчаливцах.

Не лишним будет напомнить молчаливкам решение VIII съезда партии: «Лица или учреждения, о действиях которых говорится в печати, обязаны в кратчайший срок дать на страницах той же газеты деловое фактическое опровержение или же указать об исправлении недостатков и ошибках».

Сказано и просто и ясно. Никто этого не отменял. И сейчас, спустя более чем тридцать лет, это решение партии имеет такую же силу и обязательно для всех.

Надо напомнить о нем тем, кто думает, что молчание — всегда золото.

Недостатки романа больше всего сказались на описании Цицино, подруги Бишварди. Это привлекательная, скромная девушка, она отлично умеет собирать чай, всей душой предана колхозу и своим товарищам. Но роль ее в книге, несмотря на все это, совсем пасивная. Цицино терпеть не может, пока Кишварди готовится ей участок и она сможет «обеспечить» рекордным сбором чая. Настоящая стахановка так не поступит. Стахановцы нашего колхоза сами по-хозяйски готовят участок: мотыжат его, выносят удобрения, стригут чайные кусты, словом, делают все необходимое для того, чтобы добиться высокого урожая. И поэтому, когда читатель в конце книги узнает, что Цицино стала «хозяйкой» плантации, он разводит руками. Ведь не ее заслуга в том, что участок стал высокоурожайным!

Роман А. Чейшвили называется «Лето». Это народная грузинская игра в мяч, масовое состязание в ловкости, находчивости, отваге. Думается, такое название, как оно ни заманчиво, упрощает взаимоотношения людей в колхозном производстве и толкает автора к несколько ограниченному изображению переходных людей колхоза. А хочется, чтобы в душевной жизни своих героев А. Чейшвили подчеркнул главное, определяющее — дух коллективизма, взаимопомощи в патристическом труде. Именно это отличает людей нашего времени, именно это помогает нам идти вперед и вперед.

М. ОРАГВЕЛИДЗЕ,
Герой Социалистического Труда,
председатель колхоза им. Орджоникидзе
Махарадзевского района, Грузинской ССР

Новое о природе вирусов и микробов

Г. М. Бошняк — руководитель биохимической лаборатории Ветеринарного института экспериментальной ветеринарии — выступил недавно с оригинальной теорией, по-новому раскрывающей природу микроорганизмов. Его открытие заставляет пересмотреть многие привычные представления об изменчивости микробов, о природе мутаций. Оно дает практической медицине новые эффективные методы профилактики и лечения болезней.

Г. БОШНЯК

Мы обратились к Г. М. Бошняку с просьбой рассказать нашим читателям о сущности его исследований.

Недавно вышла в свет моя книга «О природе вирусов и микробов» — результат многих лет труда, итог обобщения большого экспериментального материала, полученного нашим коллективом.

В современной науке представление о вирусах — мельчайших, невидимых под микроскопом белковых образованиях, и микробах — клеточных организмах — резко разграничивается. В любом учебнике биологии говорится, что природа микроба и вируса совершенно различна.

Разносторонние исследования, проведенные в нашей лаборатории, решительно опровергли не только этот взгляд, но и многие другие традиционные представления о мире невидимых.

Ученым, привыкшим мыслить метафизически, результаты наших исследований, несомненно, покажутся парадоксальными. Однако они совершенно достоверны.

Десять лет назад, изучая в биохимической лаборатории Ветеринарного института экспериментальной ветеринарии блок животной и растительной клетки, я глубоко заинтересовался тайной нуклеопротеида — белка клеточного ядра, играющего весьма значительную роль в жизнедеятельности клетки. То, что из этого белка, несомненно существующего, состоят также и вирусы, — останова мое внимание; значит вирус тоже живое существо?

Однако современная наука не имела еще твердой точки зрения на природу вирусов. Многие зарубежные ученые утверждали, что вирусы — неживые вещества, порожденные живой клеткой. Такого же мнения придерживались и некоторые советские ученые. Они считали вирус либо особым мертвым веществом, либо паразитическим белком, стоящим как бы на границе между живым и неживым. Укоренилось также мнение, что неспособные существовать самостоятельно, вирусы обитают лишь в клетках высших растений и животных.

Основываясь на опытных данных, я все больше приходил к убеждению, что вирусы, как бы ни была их организация, — живые существа.

Подтверждение своим мыслям я нашел и в трудах Д. И. Иванковского — выдающегося русского исследователя, которому современная наука обязана открытием вирусов. Он интересовался жизнедеятельностью вирусов, хотя работы его в этой области до самого последнего времени были почти неизвестны даже специалистам вирусологии и микробиологии, так как представлял собой библиографическую редкость. Известные недавно, они дали возможность оценить все принципиально значимые открытия этого замечательного ученого.

В опытах Д. И. Иванковского вирусы не втащились и размокли в среде, в искусственной питательной среде. «Реакция», — писал Д. И. Иванковский, — я прихожу к заключению, что контакти (вирус). — Г. Б. мозаичной болезни и способе жить и размножаться в искусственных питательных средах».

Чтобы изучить природу вирусов, их жизнедеятельность, — необходимо было найти способ выделить их чистую культуру из клеток высших организмов, в которых они обитают, что до сих пор никому не удавалось.

Вирусы вызывают у человека, животных и растений более двухсот тяжелых заболеваний, таких, как бешенство, осенний энцефалит, сыпной тиф, корь, желтая лихорадка, скарлатина. Естественно, что медицинская практика настоятельно требует изучения природы вирусов. Этого же требовала и ветеринария. Наш институт начал исследования инфекционной анемии лошадей — тяжелого и совершенно не изученного вирусного заболевания, которое ежегодно губит тысячи животных.

Изучая природу возбудителя инфекционной анемии лошадей, мы разработали оригинальную методику, с помощью которой удалось выделить чистую культуру вируса из крови больного животного.

Е. УСПЕНСКАЯ

ТВОРЕЦ РАДИО

Люди на льдине. Они не кричат, не плачут, не зовут на помощь. Это бесполое. Только море вокруг них, ветер, крутые волны, колочие, смешанные с осколками льда. Все, что им осталось, — молча ждать конца.

А в маленьком домике на острове Ютланд, склонившись над радиоприемником Александр Степанович Попов. Напряжена узкая, чуткая рука, лежащая на ключе, нахмурен высокий лоб, сосредоточен взгляд. Он вслушивается в аппарат, но аппарат молчит. У острова Ютланд, совсем близко от льдины с рыбаками, — «дедовка» «Юрмак». Услышат ли сигналы за сотни километров, дойдут ли они сквозь ветер, мороз, грохот доходящего льда? Узнают ли на «Юрмаке», что надо идти на помощь?

Но вот, наконец, тонкое, отчетливое постукивание. Эти сигналы ассистента Попова — Рыбкина — с острова Ютланд. Попов записывает торжественно, боясь пропустить слово. Рыбкин спасены. Они на «Юрмаке» в теле, среди друзей.

Так вошло радио в жизнь России. Русский ученый, первый в мире открывший его, сразу же отдал свое изобретение на служение народу.

«Александр Попов» — фильм о гениальном русском ученом, патриоте своей Родины, о человеке чистом и мужественном. Бережно, умно, глубоко доносят до нас артист Н. Черкасов образ Александра Степановича Попова.

Мы видим его в лаборатории, когда впервые передается без провода сигнал на

расстояние. В эту ночь Попов открывает антенну. Это счастливая минута в творчестве ученого, награда за многие годы труда, напряженной работы, никогда не отходящей мысли. И вот сигнал летит через одну комнату, через две, через три, вылетает в сад. Но антенна зашумевает в густой листве, в мокрых от утренней росы кустах, и Попов напрасно ждет от восточного сигнала. И вновь мы видим напряженные светящиеся глаза ученого. Нашел! Он бежит к воротам и покупает целую гроздь веселых детских ярких шаров. Они подобны антенну, и листва не будет мешать колбы электромагнитных волн. Высокий, как всегда спокойный в виду Попов и маленький, очень взволнованный Рыбкин стоят на крыше. Они знают: их сигнал дойдет не только через этот сад, он дойдет всюду, куда захотят они, русские ученые. До самого горизонта, который слышится там, вдали, с утренним небом.

7 мая 1895 года Попов продемонстрировал первый в мире радиоприемник. Теперь 7 мая мы празднуем День радио.

...Но Попов ждал борьбы. Английские делцы хотят, чтобы он продал им свое открытие. И мягкий, всегда сдержанный Попов делается жестким, резким.

— Я русский человек, — говорит он. — И все свои знания, весь свой труд, все свои достижения, я имею право отдавать только моей родине!

Англичане все-таки купят его изобретение, правда, они купят его вовсе не у Попова, а у итальянца Маркони, укравшего схему приемника Попова. Маркони извлек из этой кражи все, что возможно: патент на изобретение радио — технического со-

образование живых клеток из частичек желтка куриного яйца. Все эти факты и идеи, подтвержденные на примере вирусов, позволили нам до конца развенчать метафизическую ложь Вирхова «клетка только от клетки», утвердившуюся в современной науке.

В результате наших работ потребовалась также серьезный пересмотр некоторых положений Пастера. В 1862 году Парижская академия за решение вопроса: возможно ли зарождение жизни в настоящее время? — вручила премию Пастеру. На этот вопрос Пастер ответил отрицательно.

Он заявил, что в колбах с мясным бульоном и жидкими желтками после кипячения жизни не остается. Более того, Пастер был уверен, что жизнь в них никогда уже больше не зародится.

Идеалистическую позицию Пастера, оправдывающую версию о едином акте божественного творения жизни, оспаривали многие ученые-материалисты XIX столетия. Горячим сторонником гетерогенности — учения о самозарождении живого из мертвого — был Д. И. Пасаров, который считал, что усилия Парижской академии задавить гетерогенность всеми правдами и неправдами рано или поздно потеряют фiasco.

Утверждение в науке вывода Пастера почти на сто лет отозвучало правильное решение проблемы зарождения и сохранения жизни.

Мы доказали ложность основного положения Пастера о том, что кипячение убивает все живое. В нашей лаборатории вирусы возбудителя анемии лошадей кипятились в течение 40 минут, затем их дважды проводили через автоклав, где температура повышалась до 120°, и вирусы все же оставались живыми.

Эти эксперименты свидетельствуют о высокой устойчивости и приспособляемости микроорганизмов.

И если кипячение все же спасает нас от болезнетворности, а подчас и смертоносного действия микробов, — то это происходит оттого, что, изменяясь под влиянием высокой температуры, вредоносные микробы теряют свою болезнетворную способность. Что же касается условий, при которых микробы и вирусы действительно гибнут, то они весьма значительно отличаются от тех, которые представлял себе Пастер.

Установленная нами более высокая, чем предполагалось до сих пор, жизнестойкость вирусов рисует новую картину распространения невидимых. Мы считаем, что бесчисленные частицы живого белка — вирусы — повсеместно рассеяны среди живой и мертвой природы. Напрасно современная наука объявляет их паразитами. Они вполне могут обходиться без клетки — хозяина. Паразитизм — лишь одна из форм приспособления вирусов. Эти мельчайшие элементы жизни, как и микробы, играют огромную роль в жизни нашей планеты.

Но как возникли сами вирусы? Почему мы должны верить, что жизнь зародилась на нашей голубой и безжизненной планете миллиарды лет назад, не может зародиться сегодня среди обилия органического материала?

Опираясь на факты, мы пришли к убеждению, что жизнь зародилась и зарождалась всегда, когда для этого существуют соответствующие условия. Материалом для образования простейшей формы жизни — белковых молекул — служат массы белка — нуклеопротеида, который осеивается из тел погибших растений и животных. Попадая в благоприятные условия, которые отнюдь не являются исключительными, «мертвый» белок может стать материалом для создания мельчайшего живого организма — вируса.

Установленные нами закономерности взаимного превращения вирусов и микробов и кристаллы создают новую теоретическую основу в учении о природе микроорганизмов, о вызываемых ими заболеваниях, иммунитета и позволяют по-новому использовать вакцины, лечебно-профилактические сыворотки и другие биопрепараты.

Нет сомнения, что у нас найдутся противники. Уже и сейчас есть попытки изобразить наше открытие и выводы, вытекающие из него, как перемены «устарелой» теории самозарождения. Но факты упрямы вещь. Со всех концов страны — с Украины, из Ленинграда, из Сибири — в адрес нашего института приходит десятки писем от врачей, ветеринаров, микробиологов, извещающих о новых наблюдениях, подтверждающих нашу теорию.

бывшая века, известность, капитал. Но он не может обойтись без Попова, он приезжает в Россию, добивается прихода Попова на свой корабль. Он готов на все, он лести, запугивает, предлагает любую цену. Ему необходим талант Попова, его смелая мысль. Попов уходит от него молча, не подав руки, не взглянув на него. Вперед узкая полоска Кронштадта, родная земля, народ, которому служит ученый. Милая, горькая, но единственная родная для него земля...

Вперед снова борьба с туземным начальством, предостерегающим покупать приемники за границей, чем делая их в России, считающим казную копейку и томолящим развитие его работы. Борьба с жандармами, которые преследуют его студентов, с министерством внутренних дел Дурново, требующим от него исключения самых талантливых учеников.

Все это — наглые глаза Маркони, арест студентов, разговор с Дурново — удары в сердце. Оно бьется так тяжело и утомленно, Попову нечем дышать. Но через силу он идет, идет туда, где его друзья. У него много друзей. С ним все, кому дорога Родина: рабочие из мастерских, которые гордятся им, верный спутник и товарищ в труде — Рыбкин и его ученики — его будущее, с ним были великий кинувик Менделеев, мужественный защитник Попова — адмирал Макаров.

Попов подходит к дверям и слышит горячие голоса друзей. Его встречают радостно весьдом. Он избран председателем отделения физики Русского физико-химического общества. Он смотрит в дружеские глаза, и голос его крепнет; он говорит страстно, молодо, искренно. Он поручает молодежи свое дело. Главное в том, чтобы люди были свободны, чтобы свободным и творческим был их труд. Его слушают старики, его учителя, и молодые, его ученики. Ученики, жизнь которых будет совсем

Геворк ЭМИН

За мир во всем мире!

«По воле тиранов друг друга терзают народы. Ты встал, трудовой Петербург, и первый начал войну всех угнетенных против всех угнетателей, чтоб тем убитым семья войны», — гласит надпись на Марсовом поле, в Ленинграде, на могиле героев, павших за революцию.

Декрет о мире — один из первых декретов, принятых нашим правительством.

За мир во всем мире! — вот наш клич ко всем народам.

Мира жаждут все честные люди во всех странах. Вот почему рабочие Рио-де-Жанейро на самой высокой скале побережья вшумит имя Сталина — символ борьбы за мир, итальянские докеры выдают в море американские вооружения, а молодая французка Раймонда Дюпън бросается на рельсы, преградив путь поезду, везущему оружие.

Борьба за мир пронизывает все мысли и чувства советских людей, победоидущих к коммунизму.

Призвание поэта — разгадать и выразить сокровенные чувства и души своего народа. Это удалось А. Суркову в его новой книге «Мир — мир!». Советский человек в этой книге узнает самого себя, свое страстное стремление к миру, выраженное с большим поэтическим вдохновением. Поэт говорит о делах своего поколения, поколений, которое велет борьбу за мир еще со славных дней Великого Октября.

В семнадцать лет мы ружья брали в руки и в сорок лет брались за автомат.

...Мы одолели времени всевластие, жар молодости сохранив в груди. В награду нам дано большое счастье Разведчиков, идущих вперед.

А. Сурков, один из первых, еще в 1943 году, в кровавых военных приключениях «чуждого фабриканта» увидел угрозу новой войны, а сейчас показывает, как в стуже арифмометров «банкирский контор» звучит стук автоматов.

В своих стихах, написанных после поездок по Англии, Дании и Франции, Сурков рассказывает о том, как обнаглевшие американские молодчики под видом «помощи» «пихают кукиш атомной бомбы голодной

Алексей Сурков. «Мир — мир!». Библиотека «Юность». Издательство «Правда», 1950 г. 40 стр.

«Литературной газете» от 4 марта 1950 года под рубрикой: «Бороться о будущее» была опубликована заметка «Актуальное место ребенку», в которой говорилось о необходимости резко увеличить выпуск кинофильмов для детей.

В связи с этой заметкой сообщают: — Перед советской кинематографией стоит очень важная и ответственная задача — повысить идейно-художественное качество выпускаемых фильмов. Поэтому основное внимание сейчас направлено на увеличение количества выпускаемых картин, а на поднятие их художественного качества.

За последние годы для юных зрителей были созданы художественные фильмы: «Бранный галстук», «Первоклассник», «Счастливый плаванье!», «У них есть родина». Юной аудитории в такой же мере, как и взрослой, адресован фильм «Молодая гвардия». К этому следует прибавить документальные фильмы: «Юность мира», «Концерт юных талантов», «Артек», научно-популярные и выдовые фильмы: «Лесная быль», «История одного кольца», «По Волге», «Урал», «Днепр».

Броме того за эти годы создано 40 цветных мультипликационных фильмов и в их числе полнометражный фильм «Конек-горбунчик».

Регулярно выходит на экран ежемесячный киножурнал «Пионерия», освещающий жизнь школ, пионеротрядов, их общественно-полезную деятельность.

Что касается ближайших перспектив, то для юных зрителей будут созданы художественные фильмы: «Звездочка» по одноименной повести И. Василенко и «Степное солнце» по одноименной повести П. Павленко.

когда возмечала жизнь Попова. Почему не показали будущее его труда? Это было тем более необходимо сделать, что не только через свои изобретения, но и через живых людей Попов непосредственно связан с нашими днями. Его сын А. А. Попов погиб в 1942 году во время блокады Ленинграда. Его ближайший друг и помощник — Петр Николаевич Рыбкин учил радистов-морских и во время Великой Отечественной войны был награжден орденами Ленина и Красной Звезды.

Развитию образа Рыбкина дополнило бы образ главного героя фильма — Попова. Тем более, что Рыбкин играет замечательный артист А. Бортос. В фильме Рыбкин показан только как преданный своему учителю исполнительный ученик.

На самом же деле он был очень творческий, талантливый человек.

Лепив фильм связи с будущим, авторы объединили его. В фильме нет того полета, который был в самом Попове. Авторы не уловили мечты, улетевшей вперед, за грань человеческой жизни, на счастье и помощь людям, той мечты, которая отличает лучших русских ученых и делает их нашими современниками.

И все же фильм глубоко волнует. Человек, которому он посвящен, дорог советским людям.

Авторы фильма добросовестно и точно передали события его жизни, а замечательные актеры помогли им, углубив и обогатив сценарий своим исполнением.

Превосходно играют И. Судалов — Менделеев, К. Скоробогатов — адмирал Макаров. Рассказ о судьбе одного человека звучит рассказом не только о нем одном. Это рассказ о поколениях русских ученых, на руц в руки передающих священную эстафету отечественной науки. И в ряду художественных произведений, утверждающих приоритет русской науки, фильм «Александр Попов» займет свое почетное место.

Европе в рот», попратают суверенитет народов Европы, глумясь над их историей и культурой («Янки в Копенгагене», «Шпир», «Датская сказка»). Дельцы с Уолл-стрит лихорадочно строят свои аэродромы и военные базы, перевозят в Европу оружие, потому что

Пейзажи Камчатки, Баку, Урала Опять им спать не дают.

Поэт не скрывает от читателя возрастающей угрозы новой войны. Но вчерашний солдат говорит об этом уверенно и спокойно, потому что знает:

Недавней войны кровавая рана Не даст нам беду прослать, И в недрах земли нехватит урана, Чтоб дунуть историю вспять.

Коммунистическая партия — душа движения за мир во всех странах. Темы партии и борьбы за мир неотделимы друг от друга, потому что естественно, что книга А. Суркова состоит из двух отделов — «Большевики» и «Мир — мир!».

«Мы — советские мира. Мы — большевики» — вот основная тема стихов цикла «Большевики». Страстными, мужественными словами поэт воспекает в них нашу Родину, большевиков — «разведчиков будущего», которые

...такие земли открывали, Каким Колумбу не видел и во сне.

Торжественным гимном нашим славным делам звучат стихи «Победители».

Метели вытесны поутру бы Но ветер замурмаш не вправо, Когда серебряные трубы Поют о нашей ратной славе. Напев той песни неизменен. Она звучит былинным ладом. Как солнце, в песню входит Ленин, И Сталин с ним шагает рядом.

Стихи А. Суркова обладают необходимыми для настоящей поэзии «кляузом и сердцем». В одном из своих стихотворений Сурков писал:

Когда онега багрились кровью ало, С души солдатской, — что там греха, — Как мертвый лист по осени, опала Красивых слов сухая шелуха.

Эти строки как нельзя лучше характеризуют поэзию Алексея Суркова, сущность его лирических «красивых шелух», прямых, ясных и выразительно точных слов.

И. БОЛЬШАКОВ, министр кинематографии СССР

ОТ РЕДАКЦИИ

Песня о Пополе на большое количество выпускаемых на наши экраны разнообразных фильмов, о которых упоминает министр кинематографии тов. И. Большаков, все же потребностей детского зрителя в созданном специально для него игровом художественном фильме удовлетворяются пока далеко не полностью.

Десятки миллионов школьников младшего и среднего возраста в ближайшем будущем должны иметь возможность посмотреть в течение года хотя бы пять

Лучшие стихи Суркова отличаются торжественно-повелительным звучанием лиризма, и в то же время его лирика обладает силой, характерной для Суркова «кулатовой нежностью», которая волнует больше, чем многие, имеющие претензии на нежность, стихи лирических поэтов. Такие произведения этого сборника, как «Дорога в коммунизм», «Ленин», «Победители», «Зоя», «Датская сказка», «Шпир», стихи из «Иранского дневника», являются несомненно поэтической удачей.

Однако иногда успешность и небрежность мешают поэту достигнуть желаемых результатов. Появляются смазанные удачные строки «общие места», вроде

Мы штурмуем высоты В колоне большого похода,

или строки о том, что наш флаг «народ юкнутыми руками соткал из золотых лучей восни» и т. д. В написанном на очень нужную и важную тему стихотворении «На пороге будущего» поэт делает попытку «нарисовать мир Большого Счастья» — коммунизм. В сожалении, эта попытка не увенчалась успехом.

Мир Большого Счастья — коммунизм изображен в этом стихотворении, как некая, отдаленная от нас «обетованная земля», куда стремится человечество, состоящее из «своих» и «чужих», и где некий человек, напоминающий аиста Пелла, открывает двери, делает выбор, пропускает «своих» и навсегда запрел вход «чужим». Понятно, как возникла у А. Суркова эта евангельская картина.

Коммунизм — кровавая тема Суркова, на эту тему он создал немало волнующих и прекрасных стихов, и читатель вправе требовать от поэта, чтобы он и впредь, разведывая будущее, описывал не только «дверь будущего», но и заглянул за эту дверь, рассказал о конкретных чертах коммунизма в нашей сегодняшней жизни.

Повая книга коммуниста-поэта, страстного борца за мир А. Суркова — ценный вклад в литературу движения за мир.

Поэт этой книгой не только сам подписывается под манифестом стокомского конгресса, но и в действительности своего поэтического слова на честных людях всего мира умножает число людей, ставших своим полком под этим историческим документом.

И. БОЛЬШАКОВ

Памяти Мамед Саида Ордубады

Умер старейший азербайджанский писатель-коммунист Мамед Саид Ордубады, автор романов «Таариз туманный», «Полный Баку», «Меч и перо» и ряда других произведений.

Долгий и славный путь прошел М. С. Ордубады. Он участвовал в прогрессивном демократическом журнале «Молла Насреддин»; за революционную деятельность был выслан в царское время из Азербайджана. В 1918 году М. С. Ордубады вступил в партию большевиков.

Лучшие свои произведения М. С. Ордубады создал при советской власти. Первое стихотворение о Ленине в азербайджанской поэзии принадлежит М. С. Ордубады. Им созданы либретто лучших азербайджанских опер «Кер-оглы», «Пергия» и других. Он хорошо знал, любил и страстно пропагандировал в Азербайджане произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого и Горького. Будучи одним из ведущих публицистов Азербайджана, он написал много политических статей и плафлетов против врагов нашей советской родины.

Советское правительство высоко оценило заслуги Мамед Саида Ордубады в области литературы, наградив его орденом Ленина, «Знак Почета» и присвоив ему звание заслуженного деятеля искусств. Народ избрал его депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР.

До последних дней своей жизни М. С. Ордубады жил большими творческими замыслами, работая над новыми произведениями, отображающими героичную трудовую жизнь строителей коммунизма.

Друзья и товарищи по перу, многочисленные читатели надолго сохранят светлую память о Мамед Саиде Ордубады.

А. Абулгаган, Мамед Ариф, Самед Вургун, А. Венцлова, Э. Вишневецкий, Али Веллев, Мехти Гусейн, Джафар Джафаров, Мир Джаал, Ахмед Джамиль, Мир Джабар, С. Зорин, Мирза Ибрагимов, А. Корневич, Я. Колас, Л. Квачели, В. Кожевников, Л. Климович, Л. Леонин, Ю. Либидинский, Энвер Мамедханлы, Ф. Панферов, Мамед Рагим, Рахул Рза, Сулейман Рустам, К. Самсон, А. Софронюв, А. Сурков, Маняф Сулейманов, Н. Тихонов, А. Улит, А. Фадеев, К. Федин, Джафар Хандин, С. Чиковани, Абулла Шаях, Азис Шариф, А. Якобсон.

Литературная газета

№ 37

3

Как мы боремся за мир

Рассказ французского докера

Когда я уезжал из Сен-Назера, мои товарищи, сен-назерские докеры, просили меня рассказать советским людям о том, как они борются за мир.

— Ты будешь в Москве в день 1 Мая, в день солидарности трудящихся всего мира, — говорили они мне. — Мы хотим, чтобы в день нашего великого праздника советские люди знали, что мы крепко держим слово и никогда наши руки не разлучают ни одного корабля, прибывшего в наш порт с американским оружием. Расскази о первых выигранных нами сражениях за мир и передай, что мы покаялись и вырели с чести нести свою боевую вахту.

Наши первые выигранные сражения... Прежде тем начать говорить о них, я хочу коротко рассказать о своем городе. Это поможет понять, почему сен-назерские докеры и все население Сен-Назера с такой непреклонной решимостью борются за мир, не останавливаясь ни перед какими трудностями, ни перед какими жертвами.

Вот уже пять лет, как закончилась война. Но если бы вы приехали в Сен-Назер, вы могли бы подумать, что последние бомбы разорвались совсем недавно. На каждом шагу развалины. Труднее всего населению Сен-Назера жить в бараках и в деревянных домишках. «Городец дядюшки Теншара» — так называется трущобы, где живу я и мои товарищи. Войдите в один из наших домов. Вы увидите допотопные стены с дырами, заткнутыми тряпьем, в щели дует ветер, сквозит дырявую крышу проливается небо. До войны в городе было 45 тысяч жителей. После американского освобождения в нем осталось 2900 человек. И по случайно употреблению слова «американское освобождение»...

Сейчас в городе живет около 20 тысяч человек. С момента окончания войны в нем не построено ни одного жилого дома. Могут ли люди, которые каждый день видят своими глазами чудовищные последствия прошедшей войны, которые испытывают на своих плечах всю тяжесть пришедших к нам бедствий и разрушений, не стремиться к миру, не отдавать все свои силы борьбе против подготовки новой, еще более губительной катастрофы?

Наш порт был предназначен стать одним из главных пунктов, где должна была производиться выгрузка вооружения, поступающего из США. Так решили американские «стратеги» и их французские лакеи. Этому решению докеры Сен-Назера и трудящиеся города противопоставили свое решение: «Мы не допустим выгрузки оружия, предназначенного для войны против СССР и стран народной демократии!»

Какими делами подкрепил мы слова? Я хочу, чтобы читал рассказ о первых выигранных нами сражениях в битве за мир, вы представили себе решительные и мужественные лица моих товарищей. В эти майские дни они с гордостью поднимают итоги наших первых побед. В маленькой комнате, где помещается бюро нашего профсоюза, собрались мои друзья. На столе секретари профсоюза — протоколы наших собраний и обемистая папка с надписью: «Солдатская». Сюда записываются денежные поступления, телеграммы и письма, которые мы получали со всех концов Франции по время наших забастовок. В одном из ящиков стола — вахта, вод и ботинок. Они всегда должны быть под рукой, когда приходится иметь дело с солдатами «отрятов республиканской безопасности»...

Мои товарищи вспоминают о том приеме, который мы оказали американскому миноносцу «Пауэр» и прибывшему в наш порт с военным грузом кораблю «Амшпр Маршал». Направив в конце января в наш порт миноносец «Пауэр», американские поджигатели войны, несомненно, хотели узнать, как будут реагировать трудящиеся Сен-Назера на прибытие в гавань американского военного корабля. Это была своего рода «разведка». Я думаю, что результаты этой «разведки» оказались для американцев более чем неутешительными. Как только корабль бросил якорь в нашем порту, все докеры и рабочие гавани в знак протеста против незаконного пребывания американского военного корабля во французском порту прекратили работу. Немедленно было отменено на английский язык около двух тысяч листовок с призывом к американским матросам. «Ваш долг, — говорилось в этих листовках, — обуздать военных преступников Уолла-стрита. Мы берем на себя обязательство французских лакеев. Вместе мы добьемся мира!»

Мэр города Сен-Назер, правый социалист Бьянни, устроил торжественный прием в честь офицерского состава миноносца. В ответ на это мы решили организовать демонстрацию протеста. Двести пятьдесят человек, разрывав знамена Всеобщей конфедерации труда, направились к кораблю. Их встретили солдаты «отрятов республиканской безопасности», вооруженные пистолетами. Более тысячи этих «служителей порядка» охраняли гавань. На помощь нам подошли рабочие судостроительных верфей. Проведя демонстрация, в которой приняло участие около 5 тысяч человек, прошла по набережным и двинулась в город. Американским офицерам и матросам была дана полная возможность бороться за дело мира. Пусть они знают, что мы всегда готовы оказать им такой «применение», которого заслуживают эти злодеи, мечтающие превратить нашу Францию в плацдарм войны против СССР! Волю докеров нельзя сломить.

Вскоре после описанных событий директор сен-назерского отделения компании «С.О.Т.М.А.Т.» — французская компания по поручениям работам — господин Сюзи сообщил докерам, что им предстоит «высокая честь разгрузить американское вооружение». Господин Сюзи сулил нам золотые горы и одновременно угрожал, что в случае отказа мы будем лишены минимальной гарантированной зарплаты. Он предлагал нам, профсоюзным деятелям, занять комплектование бригад и получить высокую награду. Мы едва сдерживались, чтобы не лопнуть в глаза этому негодю.

— Докеры Сен-Назера скорее согласятся умереть с голода, чем делать эту грязную работу! — таков был наш ответ. В феврале в наш порт прибыл корабль «Амшпр Маршал» с вооружением для войны во Вьетнаме. Этот корабль отказались грузить докеры Донкерка и Марселя. В конце концов он был погружен солдатами из «отрядов республиканской безопасности». «Пинковые пляжи» хорошо владеют резиновыми дубинками и автоматами, но грузить корабли они не умеют. «Амшпр Маршал» попал в бурю и в результате неправильно произведенной погрузки едва не оторвался на дно. Нам было предложено перегрузить судно. Мы отказались.

Наши семьи живут в нищете. Но ни один из докеров Сен-Назера ни на секунду не думает о том, чтобы искать другую работу. Подобно всем докерам Франции, мы покаялись превратить свой порт в крепость мира. Мы сдержим свое слово!

Миколан Алеш, живописец, рукой которого водил, казалось, сам гений чешского народа, когда-то давно, еще при австрийском господстве, набросал рисунок: молодой русский богатырь поит своего лошадь в реке; над рекой возвышаются Граданы — пражский Кремль. Под рисунком художник сделал надпись: «До тех пор не будет хорошо в Чехии, пока русская лошадь не напестит из Влтавы». Этот рисунок и вещи слова художника вспомнились мне, когда Советская Армия пришла освободить Прагу.

Первые советские танки появились на окраинах нашей столицы 9 мая 1945 года, как братский ответ на настойчивый призыв о помощи. Прага была в тяжелом положении. Погибший, дикий зверь неистовствует, издирающий, чудовище, беззастенчиво ранит под Сталинградом и обезглавленное Советской Армией в Берлине, в предсмертных судорогах могло еще серьезно повредить революционной Праге, испытывавшей острый недостаток оружия и боеприпасов. Легко могло случиться, что мы были бы уничтожены в последний день войны, а от нашей столицы не осталось бы камня на камне.

Гитлеровский наместник Франк, по приказу которого была стерта с лица земли деревня Лидице, объявил, что если немецкие фашисты будут вынуждены уйти из Праги, то они громко захлопнут за собой двери. Немецкие самолеты, летая низко над улицами, бомбили здания, обстреливали пешеходов. Засовы выволакивали женщины и дети в бомбоубежище и гибли их перед своими автоматами. Радио гитлеровцев провокационно сообщало, что немецкие танки двигаются к Праге по важнейшим стратегическим шоссе.

Это была ужасная ночь. Но какое замечательное утро наступило после нее! Представьте себе: люди ждут смерти и вдруг устремляют свой взор в новую жизнь. Советская Армия пришла! До сих пор, когда я думаю об этом моменте, слезы безграничного счастья невольно появляются на моих глазах, и волна восторженной радости как бы приподнимает меня над землей. Свобода! Жизнь! Солнце! Вон из заплеванных тротуаров на свет! Весна! Я помню кошмарные 15 марта 1939 года. В метель, собравшись неподалеку в Прагу рейхсвер со своими мотоциклами в штырях змеиных палачах — первыми послами смерти. Их встретили опустевшие улицы, затворенные окна, ледяное молчание. А теперь ликует, поет и рукоплещет чешская столица — Прага баррикад, которые еще дымятся. Прага с разоруженной мостовой, по засыпанной штырями и усеянной развешиваемыми трешетками и алыми знаменами. Жители города целуют и обнимают советских воинов, матери подают им своих детей. Вы — наши любимицы! Вы — наши освободители!

Даже самому тонкому художнику не удалось бы передать во всей полноте этот яркий контраст, почти аллегорически созданный историей: как ворвалась в Прагу нацистская смерть и как воскресил Прагу советские люди. Опьяняющий запах освобожденного города... Дым пожарами и пыль баррикад смешиваются с испарениями нефти и ароматом цветущей сирени, напоминающим ваниль. Отовсюду бегут девушки в белых блузках, с веточками сирени в руках. Своякие садов в майской Праге, и все они засыпают цветами Советскую Армию... Как сейчас, вижу я советские танки, разукрашенные березовыми веточками и хвоей, а на них — группы бойцов с любимой красной звездочкой на пилотках. Танки, стоящие на Вацлавской площади, буквально осядаются людьми. Всякий хочет хоть рукой притронуться к герою, проделавшему путь от Сталинграда до Берлина. Девушки подают солдатам альбомы для подписи. Дети с выраженным блаженством лежат на грузовики, и солдаты их обнимают. Проехавшись в советской машине с красноармейцами — высшее счастье для ребят. То и дело раздается голосистый смех — это чехи разговаривают с воинами. Они понимают друг друга — ведь мы славяне. ...Давно замолкла на наших площадях, улицах и дворах русская гарь, которая очаровала и заставляла перестать Прагу. Исчезли с пражских перекрестков военные дорожные знаки. Мы трогательно расщипались с Советской Армией, и все наши русские и украинские товарищи, братья, друзья вернулись на родину. Эти замечательные воспоминания не блещут. Ведь это даже не воспоминания — это наша действительность, наше будущее, это сама жизнь. Без дружбы с Советским Союзом не было бы и Чехословакии. На Смихове, в самом старом промышленном районе Праги, в маленьком парке стоит памятник в честь нашего освобождения — советский танк. Это не скульптурная стилизация. Это часть истории, воплощенная в металл. Танк сделал советские рабочие, в нем советские богатыри

Счастливые день Праги

Мария ПУИМАНОВА

Миколан Алеш, живописец, рукой которого водил, казалось, сам гений чешского народа, когда-то давно, еще при австрийском господстве, набросал рисунок: молодой русский богатырь поит своего лошадь в реке; над рекой возвышаются Граданы — пражский Кремль. Под рисунком художник сделал надпись: «До тех пор не будет хорошо в Чехии, пока русская лошадь не напестит из Влтавы». Этот рисунок и вещи слова художника вспомнились мне, когда Советская Армия пришла освободить Прагу.

Первые советские танки появились на окраинах нашей столицы 9 мая 1945 года, как братский ответ на настойчивый призыв о помощи. Прага была в тяжелом положении. Погибший, дикий зверь неистовствует, издирающий, чудовище, беззастенчиво ранит под Сталинградом и обезглавленное Советской Армией в Берлине, в предсмертных судорогах могло еще серьезно повредить революционной Праге, испытывавшей острый недостаток оружия и боеприпасов. Легко могло случиться, что мы были бы уничтожены в последний день войны, а от нашей столицы не осталось бы камня на камне.

Гитлеровский наместник Франк, по приказу которого была стерта с лица земли деревня Лидице, объявил, что если немецкие фашисты будут вынуждены уйти из Праги, то они громко захлопнут за собой двери. Немецкие самолеты, летая низко над улицами, бомбили здания, обстреливали пешеходов. Засовы выволакивали женщины и дети в бомбоубежище и гибли их перед своими автоматами. Радио гитлеровцев провокационно сообщало, что немецкие танки двигаются к Праге по важнейшим стратегическим шоссе.

Это была ужасная ночь. Но какое замечательное утро наступило после нее! Представьте себе: люди ждут смерти и вдруг устремляют свой взор в новую жизнь. Советская Армия пришла! До сих пор, когда я думаю об этом моменте, слезы безграничного счастья невольно появляются на моих глазах, и волна восторженной радости как бы приподнимает меня над землей. Свобода! Жизнь! Солнце! Вон из заплеванных тротуаров на свет! Весна! Я помню кошмарные 15 марта 1939 года. В метель, собравшись неподалеку в Прагу рейхсвер со своими мотоциклами в штырях змеиных палачах — первыми послами смерти. Их встретили опустевшие улицы, затворенные окна, ледяное молчание.

А теперь ликует, поет и рукоплещет чешская столица — Прага баррикад, которые еще дымятся. Прага с разоруженной мостовой, по засыпанной штырями и усеянной развешиваемыми трешетками и алыми знаменами. Жители города целуют и обнимают советских воинов, матери подают им своих детей. Вы — наши любимицы! Вы — наши освободители!

Даже самому тонкому художнику не удалось бы передать во всей полноте этот яркий контраст, почти аллегорически созданный историей: как ворвалась в Прагу нацистская смерть и как воскресил Прагу советские люди. Опьяняющий запах освобожденного города... Дым пожарами и пыль баррикад смешиваются с испарениями нефти и ароматом цветущей сирени, напоминающим ваниль. Отовсюду бегут девушки в белых блузках, с веточками сирени в руках. Своякие садов в майской Праге, и все они засыпают цветами Советскую Армию... Как сейчас, вижу я советские танки, разукрашенные березовыми веточками и хвоей, а на них — группы бойцов с любимой красной звездочкой на пилотках. Танки, стоящие на Вацлавской площади, буквально осядаются людьми. Всякий хочет хоть рукой притронуться к герою, проделавшему путь от Сталинграда до Берлина. Девушки подают солдатам альбомы для подписи. Дети с выраженным блаженством лежат на грузовики, и солдаты их обнимают. Проехавшись в советской машине с красноармейцами — высшее счастье для ребят. То и дело раздается голосистый смех — это чехи разговаривают с воинами. Они понимают друг друга — ведь мы славяне.

...Давно замолкла на наших площадях, улицах и дворах русская гарь, которая очаровала и заставляла перестать Прагу. Исчезли с пражских перекрестков военные дорожные знаки. Мы трогательно расщипались с Советской Армией, и все наши русские и украинские товарищи, братья, друзья вернулись на родину. Эти замечательные воспоминания не блещут. Ведь это даже не воспоминания — это наша действительность, наше будущее, это сама жизнь. Без дружбы с Советским Союзом не было бы и Чехословакии. На Смихове, в самом старом промышленном районе Праги, в маленьком парке стоит памятник в честь нашего освобождения — советский танк. Это не скульптурная стилизация. Это часть истории, воплощенная в металл. Танк сделал советские рабочие, в нем советские богатыри

пришли на помощь Праге. Это танк № 23 из армии генерала Делюшенко — первый советский танк, ворвавшийся в чехословацкую столицу. Мы читаем на нем историческое имя: Богдан Хмельницкий. Имена храбрейших гвардейцев-танкистов, которые отдали жизнь за Прагу в Великой Отечественной войне, увековечены на мемориальной доске гранитного pedestala. Советский танк понят высоко, чтобы он был вилан издалека. Дуло его орудия направлено против так называемой Голливудской стены, как победоносный символ Советской Армии и как предостережение нарушителям мира. Наша страна, столько выстрадавшая в дни фашистской оккупации, превратилась под руководством коммунистической партии Чехословакии в цветущую народно-демократическую республику. С каждым днем у нас лучше работаете, лучше живете. С каждым днем мы приближаемся к социализму.

Народ наш зорко бережет свою республику. Большинство деятельности компартии Чехословакии от покушения реакции в феврале 1948 года. Без этой победы мы снова очутились бы там, где были до Мюнхена: на буксире у грабителей-империалистов. Чехи и словаки не желают войны. Первый пункт нашей конституции гласит: «Народ — единственный источник всей власти в государстве». Президент Клемент Готвальд — верный ученик великого Сталина. Правительство Народного фронта и все трудящиеся Чехословакии непоколебимо стоят на страже завоеваний республики, на страже мира.

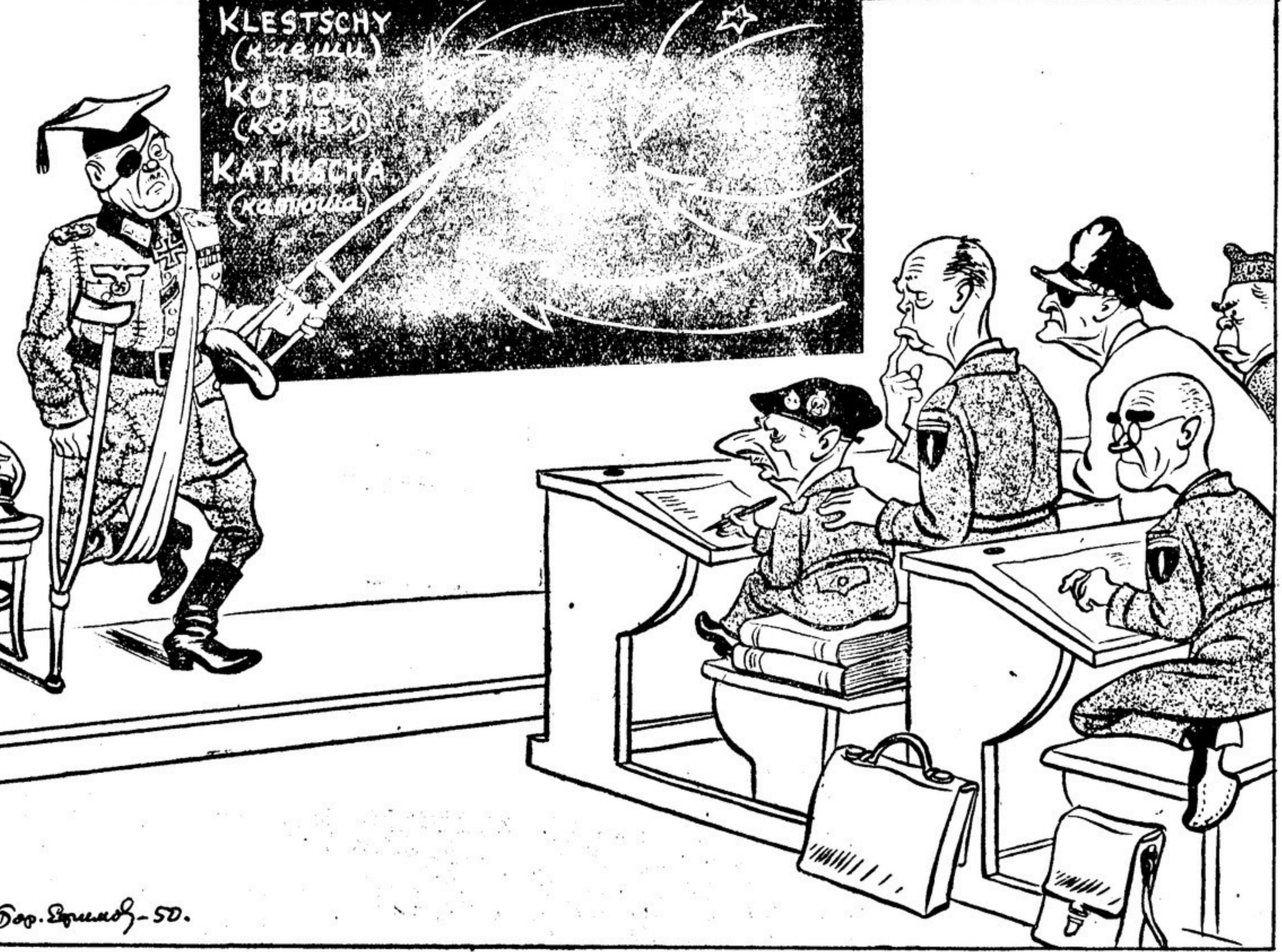
ПРАГА, май.

ЛЕКЦИЯ ПО ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКОМУ ИСКУССТВУ В ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ США

Высший генерал-полковник фашистской Германии Гудерян выступает ныне в роли «наставника» руководителей военных кругов США и автора проекта перестройки военного аппарата США в целях подготовки его к агрессивной войне.

(Из газет)

Рис. Вор. ЕФИМОВА

Лектор — генерал Гудерян. Тема лекции — «Как меня била Советская Армия». Слушатели — генералы Эйзенхауэр, Бредли, Макартур, прибывший за директивами Монтомгери и др.

Мертвые и живые

Наконец-то наши опасения рассеялись! До сих пор нам казалось, что итальянский президент Эйнуади получает свое жалование не за что, ни про что. Мы думали, что, не обременяя сына Эйнуади, сынор де Гаспера и сынор Шельба сами проводят различные мероприятия, которые бы вполне одобрил в петле почивший сынор Муссолини и вполне одобрял нынешний хозяин Италии мистер Данн — посол США в Риме.

Но и президенту нашлась работа. Не так давно в Неаполе состоялась торжественная церемония награждения итальянского военно-морского флота золотой медалью — знаком высшего военного отличия. Причем сам президент сынор Эйнуади присутствовал на этом торжестве и лично прикрепил золотую медаль к знаменитому военно-морскому флоту.

За что? За какие доблести? В приказе по этому поводу сказано — «За героическое поведение военно-морского флота».

Где? Когда? Дальнейшие строки приказа проливают свет на золотую медаль, и она начинает отливать особым блеском. «За героическое поведение в период между 10 июня 1940 года и 8 сентября 1943 года».

Если память нам не изменяет, итальянская армия и флот в ту пору воевали против союзников на стороне гитлеровской Германии. Почему же сейчас руководители итальянской республики отмечают «героическое поведение» не борцов за республику, не борцов против Гитлера и Муссолини, а тех, кто до сих пор носит под мундиром черную рубашку фашиста?

Мертвые поведуют... Нынешние правители Италии продолжают выполнять повеления покойного дуче. И награждение флота за фашистские доблести сделано, видимо, по старому, ныне впаденному из архива, приказу Муссолини.

Придет ли мистру Данну раскошелиться и вознаградить сына Эйнуади за ревностную службу.

Г. РЫКЛИН

из дневника

Поездка в Пакистан

Анатолий СОФРОНОВ

Перед самым отъездом из Лахора мы посетили рабочий район Горшау, где живут 8 тысяч рабочих-железнодорожников (а с семьями до 25 тысяч человек). Неподдающему от этого поселка, если его можно так назвать, в маленьком домике, на втором этаже, но существу, на чердаке, помещается Комитет железнодорожников. Красный флаг, на стене портреты Ленина и Сталина.

Мы вошли в поселок. Более страшную картину, чем та, какую нам пришлось увидеть, вряд ли кто-либо из нас когда-нибудь видел. «Поселок» состоял из глиняных пещер без дверей и без окон; в каждой такой пещере-халупе — два-три шага в длину и столько же в ширину — помещается рабочая семья. Заглянешь внутрь: голый земляной пол, цыновка, редко — изорванное одеяло.

Вот типичная «квартира»: в ней живут восемь человек. Одновременно всем спать нельзя — не помещаются, если даже прямо ложатся на пол. Поэтому спят по очереди. Еда семьи — одна тонкая мучная лепешка на человека в день, соль, лук и вода.

Заглянули в другую, еще более страшную халупу. Источенная полуголая женщина, сгорбленный, на вид лет шестидесяти мужчина, несколько детей. Это сбродчик угля на железной дороге. У него семеро детей. Зарабатывает в месяц 15—18 рупий. Напомню: средний прожиточный минимум — 60 рупий в месяц на одного человека. Мы спросили у главы семьи, сколько ему лет. И этому человеку, которому можно было по внешнему виду дать не менее шестидесяти, оказалось всего тридцать два года!

Рядом с нами сидел старший рабочий. Он сорок пять лет проработал машинистом. Сейчас он безработный, живет милостыней, не получает никакого пособия. Уволили его за то, что он защищал права трудящихся. Он говорит: — Если бы у меня была семья, я бы пошелся.

Особенно больно смотреть на детей: рацичные, с кривыми ногами, со слезящими красными глазами. Девочки с медными колечками в ноздрях — единственное их украшение». Возле одной из халуп девочек лет шести таскает на руках двух младенцев.

Так живут самые квалифицированные рабочие Лахора. У них есть, по крайней мере, своя халупа. Но вот рабочие парашютной фабрики. Большое бетонное складское помещение сплошь разделено веревками с развешанным на них тряпьем. Здесь, в этом бетонном сыром каземате, живут бок о бок, рядом, ничем не отделенные друг от друга 250 семейств. Никаких стен, никаких перегородок, только веревки, только тряпье. Здесь рождают, болеют, умирают, заживают кости, варят кашу. Здесь из 10 детей 8 болен туберкулезом и все восемь умирают. Где их хоронят — неизвестно, на похороны денег нет. И за это жилье, за эту бетонную могилу они платят хозяину 8 рупий в месяц.

Красивый, выносливый, мужественный рабочий поставлен в невыносимые условия. Если скажешь, что рабочий плохо живет, — в тюрьму. Если поднимешь голос на хозяина, — в тюрьму. И все-таки здесь, среди этих злобных жилищ, в этом районе, где на все 25 тысяч человек всего лишь одна водопроводная колонка, на стенах тополино, но четко нарисованы пятиконечные звезды.

II.

Во время нашего пребывания в Пакистане мы познакомились со многими друзьями советского народа, с людьми, которые рассказали нам, как страстно мечтают они побывать в Москве, прийти на столь знаменитую им по литературе Красную площадь, походить по улицам советской столицы, — города, с которым связаны лучшие надежды всего передового человечества.

В числе самых искренних и пламенных наших друзей, как мы убедились, находились и прогрессивные писатели Пакистана. Об этом говорил нам генеральный секретарь Ассоциации прогрессивных писателей Ахмед Надим Касми, спокойный, мужественный человек, стойко выдерживающий на своем посту все нападки реакции. Об этом же мы слышали из уст Абдуллы Малика, одного из секретарей ассоциации, выдающегося оратора и пропагандиста, брошенного властями уже после нашего отъезда в тюремную камеру Лахорского форта.

В Лахоре есть магазины, где мы видели на полках книги Леонова, Эренбурга, Гудии, Паусовского, а также журналы «Советская литература» и «Новое время» на английском языке. При нашем посещении этого магазина группа прогрессивных пакистанских писателей подарила нам изданные в Лахоре на языке урду сочинения Ленина и Сталина. Этот подарок был для нас в высшей степени знаменательным.

Еще до поездки мы знали о том, что Ассоциация прогрессивных писателей Пакистана подвергается суровому преследованию. Правительство объявило ассоциацию «подпольной» политической организацией и запретило входить в нее государственным служащим. Помимо Малика, был арестован и известный писатель Ибрагим Джалик. Преследования прогрессивных писателей являются составной частью того

бешеного полицейского террора, который направляет сейчас против всех подлинных борцов за права народа, за мир и демократию в Пакистане. Неудивительно, что и прогрессивных писателей, созданных в конце прошлого года в Лахоре, проходили в напряженнейшем обстановке. Правильно натравить на него реакционные и просто отсталые элементы. Они владели пыланием замолчать конгресс и преуменьшить его политическое значение. Тем не менее, вся его деятельность, каждое слово, сказанное с трибуны, нашли громкий отклик во всей стране.

Со времени окончания конгресса прошло довольно большой срок. И все же я хочу рассказать о нем, во-первых, потому, что конгресс имел важное значение, выходящее за рамки чисто литературного события, и, во-вторых, потому, что его работа, насколько мне известно, в нашей печати не освещалась подробно.

На отдельных заседаниях конгресса присутствовало до 2000 человек. Представители Пенджаба, Равалпинди, Пеншавара, Велуджистана выходили на трибуну, читали стихи, пели революционные песни. Конгресс обсудил и принял манифест Ассоциации прогрессивных писателей. Конгресс принял три резолюции, в которых требует отмены террористического закона «об охране общественной безопасности», призывает к укреплению мира во всем мире и настаивает на защите прав писателей в Пакистане.

Писатель должен быть на стороне народа, на стороне трудящихся, — таков был лейтмотив всех выступлений. В зале заседаний конгресса над столом президиума — портреты Ленина, Сталина, Мао Цзедуня и вождя коммунистической партии Пакистана Сааджад Захира. В помещении, где заседал конгресс, находилось также символическое изображение писателя-борца с молотом и книгой, а также портреты классиков пакистанской и индийской литературы Икбала, Галайди, Абдуллы Латифа, Премданды. Внимание привлекал плакат, на котором был изображен человек с пером в руке, закопанный в щель.

Конгресс получил приветствие от находившегося в подполье вождя коммунистической партии Пакистана Сааджад Захира, прочитанное под громовые аплодисменты. «Я горячо надеюсь, — говорил он в этом приветствии, — что недавно возникшее единство между работниками умственного и физического труда Пакистана станет такой силой, которая уничтожит феодализм и капитализм. А это приведет к наилучшему развитию потенциальных возможностей художников и рабочих нашей любимой страны».

Поэт Мохаммед Сафдар сделал обзор литературной жизни за период, прошедший с момента раздела Индии и Пакистана. Он резко критиковал группу писателей, приближавшихся к «дружбы народа», но на деле превратившихся в прямых агентов реакционных сил страны.

На конгрессе выступил секретарь Ассоциации прогрессивных писателей Абдулла Малик. Он подчеркнул, что прогрессивные писатели рассматривают литературу не только как зеркало жизни, но и как средство изменения и улучшения действительности. «Искусство должно служить жизни. Таков краеугольный камень нашего движения», — заявил Малик.

На конгрессе была принята специальная резолюция, требующая от правительства немедленной отмены приказа об аресте Сааджад Захира. Эта резолюция была внесена Абдуллой Маликом. Пенджабская полиция, как сообщил он, распространяет по всем полицейским участкам фотографии генерального секретаря компартии Пакистана с панчезаном на них извещением о том, что человек, указанный местонахождением Захира, получил большое денежное вознаграждение.

Конгресс призвал интеллигенцию Пакистана «оказывать энергичное сопротивление пропаганде новой разрушительной войны, пропаганде фашизма и бороться плечом к плечу с прогрессивными силами».

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ, П. ФЕДОСЕЕВ.

мира за длительный мир и народную демократию».

В особой резолюции конгресс осудил «военные приготовления полуфашистских империалистических правительств капиталистических стран под руководством правящей клики США».

Резкой критике была подвергнута на конгрессе внешняя политика пакистанского правительства. Конгресс призвал к установлению дружбы с теми странами и народами, которые стремятся к длительному миру во всем мире», охарактеризовав Советский Союз и страны народной демократии как руководителей борьбы за достойный и длительный мир.

На одном из заседаний была прочитана сатира на политику правительства и отдельных его представителей, автором которой является молодая женщина, писательница Халия Мазтур.

Тот размах, какой приняла работа конгресса, и отклик на нее по всей стране восторженно встречали американского консула в Лахоре. Он сам соизволил появиться на конгрессе, правда, тайком, пытаясь все время не бросаться в глаза. Исчез он столь же бесшумно, как и появился. Но на последнем заседании конгресса группа подкупленных провокаторов, вооруженных дубинками, проникла в зал и начала выкрикивать антисоветские лозунги. Однако участники конгресса не дали заступиться своим врагам. Провокаторы влохотились на собственных спинах те самые дубинки, какие они принесли с собой. Полиция даже пришлось «арестовать» их, чтобы избежать от еще больших неприятностей!

Таков был ответ консулу США со стороны конгресса, носившего вообще ярковыраженный антиамериканский и антибританский характер.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ